

Фируз Мустафа

*Райский
цветок*

ПРОЗА

Фируз Мустафа
Райский цветок. Проза

«Издательские решения»

Мустафа Ф.

Райский цветок. Проза / Ф. Мустафа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936128-8

В книге представлена проза известного азербайджанского писателя Фируза Мустафы. Фируз Мустафа представляет своим читателям возможность размышлять, восхищаться вместе с персонажами и прежде всего думать, думать и еще раз думать. Пользуясь возможностью, автор выражает глубочайшую благодарность за бескорыстный перевод произведений, собранных в этой книге.

ISBN 978-5-44-936128-8

© Мустафа Ф.
© Издательские решения

Содержание

РАЙСКИЙ ЦВЕТОК	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Райский цветок Проза

Фируз Мустафа

© Фируз Мустафа, 2018

ISBN 978-5-4493-6128-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой читатель!

До сегодняшнего дня я не посвятил никому, даже самому дорогому и близкому мне человеку, ни одной фразы и ни одного произведения. Только теперь решил посвятить тебе эту книгу. А кому нужно мое творчество, если не тебе? А кто я без тебя? Я тебя люблю так же, как свои произведения, мой читатель!

РАЙСКИЙ ЦВЕТОК

роман

Герой остросюжетного романа «Райский цветок» Джавад Амирханлы, честный и талантливый учёный, не может смириться с окружающей его несправедливостью, переносит тяжелейшие психические расстройства, и в итоге столкнувшись с реальной ситуацией, не справляется с нею и решает отойти в виртуальный мир. Но в созданном им мире грез и фантазий его так же преследуют потери и несчастья. Выдвинутый им научный проект «вечной жизни» воспринимается его современниками неоднозначно и несерьёзно. Многие считают его душевнобольным. Но герой «Райского цветка» до конца решителен в борьбе за свои идеи. Произведение является не только прозаической, так как в нем использованы и другие художественные жанры, в том числе поэтические, драматические нюансы, и уделено место научным исследованиям героя.

Большое место в произведении отведено символам. Роман имеет многослойную структуру, полифоническую стиль. Я выражаю свою искреннюю благодарность Егане ханум, которая мастерски перевела на русский язык столь сложное произведение.

«Меняйте ваши мнения – сохраняйте ваши принципы, меняйте листья – сохраняйте корни».

Виктор Гюго

«Чем меньше я общаюсь с людьми, тем лучше... Человек чувствует себя в одиночестве, как рыба в воде».

Артур Шопенгауэр

«Человек, живущий преимущественно прошлым, – несчастен, живущий будущим – фантазер, а живущий настоящим – легкомыслен. Тот же, кто живет и прошлым, и настоящим, и будущим, – не несчастен, не легкомыслен, не фантазер, но разумный человек».

Драган Еремич

...Ты думаешь, что этот мир вечен? Тебе кажется, что весь этот мир с его печалью и радостями будет существовать всегда? Не забывай, что ничто не вечно под луной, как и жизнь самого человека. Ну, почему ты хмуришь брови? Не веришь? На самом деле этот мир создан самим человеком. Он возрождается, когда мы приходим в этот бренный мир, и умирает вместе с нами, когда покидаем его. У всех вещей есть свое начало и свой конец. И вот однажды, когда последний человек навсегда закроет глаза, этот мир, словно живое существо, исчезнет вместе с ним навсегда.

В первый раз Джавад Амирханлы «повстречался» с незваной гостьей зимним холодным вечером в своей городской квартире. Он хорошо помнил, как в тот день готовил на кухне ужин. Жена находилась в больнице, и он был вынужден обслуживать себя сам.

На небе взошла луна. За окном стояла холодная, темная ночь, и на душе было грустно и тоскливо.

На улице подул легкий ветерок. Настроенный, как и сама природа, на грустные нотки, Джавад Амирханлы налил себе чашку кофе и сделал бутерброд. Со словами «Бисмиллах» он поднес было ломтик хлеба ко рту, как услышал, что кто-то тихо зовет его: «Джавад-бей, Джавад-бей...» Сначала показалось, что это ему послышалось. Но его снова окликнули: «Джа-

вад-бей...» Он растерялся. Голос и вправду доносился с балкона его квартиры. Но кто же это мог быть? Может, кто-нибудь из соседнего дома? Но кому в такой холодный зимний вечер придет в голову взбираться по стене дома на балкон? Станным было и то, что квартира его находилась на последнем этаже многоэтажного дома, и, только поднявшись на крышу, можно было уже оттуда спуститься на балкон. Но кто же мог влезть сюда в такую зимнюю стужу?.. Нет, скорее всего, это галлюцинации, это ему кажется.

Когда его окликнули снова, Джавад Амирханлы уронил ломтик хлеба на пол. Он встал, несмело подошел к окну и выглянул на балкон. Но там никого не было. Осмотрелся вокруг, стало страшно. Может, это признаки какой-нибудь болезни? Какой именно? Но он ведь не ребенок, чтобы не догадаться, какая именно болезнь бывает в таких случаях.

«Джавад-бей...» Нервно ухватившись за ручку двери, выходящей на балкон, он с силой рванул ее на себя. Дверь открылась настежь. Мужчине показалось, что стоящий посреди балкона развесистый куст с серебристым стволом (на самом деле, он больше походил на дерево), словно боясь чего-то, забился в угол.

Несколько лет назад семена этого растения каким-то невероятным образом попали в горшок, стоящий на балконе у одного из родственников. Семена проросли и родственник подарил выросший куст ему на день рождения. Впоследствии родственник этот сошел с ума и умер в одной из психиатрических больниц города. С той поры этот странный подарок рос на балконе Джавада. Большие, серебристого цвета листья наполняли все вокруг нежным ароматом. Но когда Джавад Амирханлы смотрел на него, его бросало в дрожь. Услышав о несчастье, которое произошло с родственником, он решил было выбросить растение, но жена воспротивилась: «Если у кого-то съехала крыша, это не значит, что надо валить всю вину на растение. Оно же тебе не мешает... Когда тебя не бывает дома, я разговариваю с ним, делюсь своими проблемами». Последняя фраза, сказанная женой серьезным тоном, немного удивила его. В летние и осенние месяцы листья странного растения отливали серебристо-матовым цветом, зимой же серебристые листья будто превращались в сверкающее зеркало. Джавад Амирханлы еще ни разу нигде не встречал растение, похожее на это.

Перед тем, как лечь в больницу, жена поручила ему ухаживать за кустом и вовремя поливать. Только сейчас он вспомнил, что уже долгое время не поливал это, как он его называл, «серебряное дерево».

Свет из квартиры падал на балкон. Легкий ветерок в медленном ритме шевелил серебристые листья на ветках, а также листья, рассыпанные на каменном полу балкона. Испугавшись, Джавад Амирханлы хотел было вернуться в комнату, но кто-то вновь окликнул его:

– Здравствуйте, Джавад-бей.

Мужчина вздрогнул, но тут же взял себя в руки.

– Здравствуйте, – пробормотал он, робко озираясь вокруг.

За цветочным горшком будто что-то зашевелилось. Он нервно дернул плечом, по телу пробежала неприятная дрожь. Присмотревшись, он увидел чьи-то руки, обвивавшие, словно змеи, ствол дерева, и были они такого же серебристо-белого цвета, как и само дерево. От страха у него перехватило дыхание и затряслись колени.

«Боже, – подумал он, – кто же мог сыграть со мной такую злую шутку? Откуда на моем балконе появилась незнакомая молодая женщина?»

Разинув от удивления рот, он хотел было закричать и позвать соседей, но, моментально взяв себя в руки, предпочел этого не делать.

Мельком взглянув на девушку, он увидел, как она, прячась, прижималась своей белой мраморной грудью к стволу «серебряного дерева», и ее длинные блестящие косы, похожие на ледяные сосульки, были такими же белоснежно-серебристыми, как и ствол самого дерева. Словно отколовшись, на балкон упал кусок луны в виде прекрасной девы. Девушка была в костюме Евы, то есть совершенно нагая. Возможно, это было не совсем так, но ему показа-

лось, что на ней не было даже нижнего белья. Он невольно закрыл глаза. За всю свою жизнь он практически не видел полностью обнаженным тело своей жены, и вот тебе на, неизвестно откуда на балконе, словно случайно залетевшая голубка, появилась из-за куста «серебристого» цвета женщина.

Джавад Амирханлы стоял в растерянности и не знал, что сказать, словно ему закрыли рот на замок. У него даже не хватало сил вернуться в комнату.

– Джавад-бей...

– Слушаю... Что вам нужно?

Собственный голос показался ему чужим и холодным, словно его заморозила стужа. С трудом открыв глаза, Джавад Амирханлы взглянул на девушку. Из вежливости он хотел было спросить ее, не холодно ли ей, но тут же передумал, ведь никто не знает, чем это может обернуться.

«Бог знает, чья эта шутка... Может, эту бестию забросили сюда с парашютом? – подумал он. – В наше время можно сделать все, что угодно. Допустим, что самолет разбился в небе, и она упала сюда с небес...»

Он взглянул сначала вниз, затем вверх. Небо было затянуто серыми тучами.

«Нет, не похоже, что эта красавица упала с неба, ведь ни на балконе, ни где-нибудь поблизости нет никакого парашюта».

Вскоре он упрекнул себя за эти наивные мысли. Откуда в его голове могли появиться эти дурацкие предположения о самолете и парашюте? Может, кто-то решил разыграть его? Нет, это не было похоже на розыгрыш. К тому же, кто будет шутить в такой поздний час? У него не было никакого желания расспрашивать девушку о том, кто она такая и каким образом попала сюда. Он просто решил как следует обдумать эту ситуацию и найти какой-нибудь выход из нее.

«Может, позвонить в полицию? А может, правильней будет вызвать „скорую помощь“? Потому что кто-то из нас двоих болен? Но нет, это не похоже на болезнь». Какое-то странное чувство сковывало его изнутри, заставляя воздерживаться от каких-либо действий и настоятельно призывая быть сдержанным.

– Не бойтесь, Джавад-бей, я не людоед. Я такой же человек, как и вы, – произнесла девушка.

«Хмм... Человек она... Но почему-то среди ночи очутилась на чужом балконе...».

– Не нужно волноваться, Джавад-бей, – продолжила она.

Он немного успокоился. Ему казалось, что девушка разговаривает с ним на незнакомом, чужом ему языке, но самым удивительным было то, что он понимал ее.

– Ты... Могу ли я вас спросить, что вы здесь потеряли?

Мягко улыбаясь, но с некоторым смущением она ответила:

– Я ничего не ищу, я пришла к тебе. Видимо, ты не ждал гостей. Не так ли?

– По правде говоря, для меня это как-то неожиданно...

«На нее посмотри, – подумал он, – обращается ко мне на „ты“, а я ведь гожусь ей в отцы. Что я могу на это сказать? Сказать: добро пожаловать? Как сказать, что все это мне не нравится...»

Джавад Амирханлы немного успокоился. Чувство страха постепенно стало отступать. И только сейчас он заметил, что девушка в руке держала веточку. Похоже, ветка была сорвана с «серебряного дерева», растущего на балконе его квартиры.

– Я прибыла сюда из Бузлага, Джавад-бей.

– Бузлаг? А где он находится? Что-то не припоминаю....

– Он находится недалеко от того места, где ты родился. На вершине горы, в ущелье, расположенном между скалами, есть глубокая пещера. У вас это место называют Бузлагом. Не знаю, помнишь ли ты или нет...

Девушка говорила, и затуманенное, словно покрытое тонким покрывалом сознание Джавада Амирханлы стало медленно проясняться. Перед глазами как будто ожили картины из детства: село, где он родился и вырос, высокий горный хребет, словно стражник простирающийся над селом, и наконец недосыгаемая вершина горы. Еще он вспомнил, что на вершине той самой горы, окруженной грозными скалами, и вправду находилась пещера, которую местные жители называли «Бузлагом». Сам он ее не видел, но точно знал, что круглый год она была покрыта толстым слоем льда. Девушка говорила правду, потому что еще в детстве он слышал о людях, которые в самые жаркие дни привозили оттуда лед. Люди, спускающиеся по канату вглубь пещеры, рассказывали, как передвигались там по ледяной лестнице. По их рассказам, пещера уходила в глубину на много метров, но ни у кого не хватало смелости дойти до конца; кто-то не хотел приключений на свою голову, другие же считали глупостью ради какого-то куска льда лезть в эту ужасную страшную пещеру. Еще Джавад Амирханлы вспомнил, как сельчане говорили о каких-то странных звуках, доносившихся из той пещеры. Девушка продолжала говорить, но он ее не слышал, мысли его были где-то там, в далеком прошлом.

– Джавад-бей, вспомнили?

Очнувшись от воспоминаний, он словно только сейчас понял, где находится. Нехотя улыбнулся.

– Да, вспомнил, ханым...

– Вот я и прибыла сюда из того самого Бузлага.

Джавад Амирханлы был уже не маленький, чтобы верить в эти сказки. И если бы даже и поверил, то не смог бы никому рассказать об этом, чтобы не стать предметом для насмешек со стороны окружающих его людей. Было очень холодно, но у него не хватало смелости пригласить ее в комнату, так как он не был уверен, что странное существо, напоминающее кусок прозрачного льда, примет его приглашение. Может случиться так, что она сразу же там и растает. И тогда со стороны какой-нибудь организации по правам человека может подняться такой шум, что мало не покажется. А еще не следует забывать о стражах порядка, всегда готовых поднять скандал из-за пустяка... А может, это происки спецслужб? Джаваду Амирханлы было известно о секретных службах, располагающих достаточной информацией об исследованиях, проводимых во многих научно-исследовательских институтах страны, в том числе и в его собственной лаборатории. Но нет, появление «ледяной женщины» не могло быть связано с происками каких-либо организаций или спецслужб. Однако очевидным было то, что сейчас он, стоя лицом к лицу с обнаженной женщиной, вел с ней милую беседу о Бузлаге.

«На кой черт мне нужны эта пещера, эта девушка, этот Бузлаг?.. – подумал было Джавад Амирханлы. – Куда я вляпался?»

– Джавад-бей.

– Да... Слушаю вас...

– Я ухожу, Джавад-бей.

– Куда вы пойдете в такой поздний час? Очень холодно... Может, вы войдете в комнату... или останетесь здесь? Принести вам теплую одежду? Вам не холодно?

Яркая, ослепительная улыбка озарила ее притягивающее своим магнетизмом прекрасное лицо:

– Нет, мне не холодно. До свидания, я ухожу.

– Но сейчас очень поздно. Может, рано утром...

– Не беспокойтесь, Джавад-бей, – пробормотала она и, словно птица вертя длинной шеей, стала озираться, будто старалась определить направление полета.

Она так же внезапно исчезла, как и появилась; девушка провела по воздуху веточкой, будто волшебной палочкой, и большие крупные листья «серебряного дерева» потухли, словно лампочки на люстре. Листья на дереве задрожали словно от ветра, и девушка в одно мгновение растворилась в безмолвной ночи. Джаваду Амирханлы показалось, что на какое-то время

на балконе осталось яркое свечение, которое постепенно исчезло, слившись с темнотой. Затем откуда-то стали доноситься звуки, похожие на шипение змеи.

Дул ледяной ветер. Все вокруг будто погрузилось в свинцовую тьму.

Джавад Амирханлы не смог заснуть до утра. Он никак не мог поверить в то, что все произошедшее с ним этой ночью было на самом деле, и часто про себя повторял: «Без сомнения, все это галлюцинация».

...Ждать гостью пришлось недолго. Через два дня, в то же самое время, на балконе послышались шаги. Джавад Амирханлы выглянул в окно, там никого не было, однако он заметил, что растение немного раскачивается. В голове невольно промелькнула мысль: а что, если непрошенная гостя вновь находится здесь? Предположение его не обмануло. Девушка вновь звала его тихим, уже знакомым ему голосом:

– Джавад-бей, Джавад-бей...

Он вышел на балкон. Гостя вновь пряталась за серебряным деревом.

– Заходи в комнату. Наверное, ты замерзла? – пригласил он ее войти внутрь.

Девушка замялась. Испуганно оглядевшись, она тихими, медленными шагами вошла в комнату. Неожиданно погас свет, и по всей комнате распространился удивительно нежный аромат, уносивший его в далекое прошлое, в пору детства.

Он вздрогнул. Ему стало страшно, страшно оттого, что живой кусок льда, вернее, ледяная статуя растает у него на глазах, и оставшаяся на полу лужица может превратиться в какое-то необычное «вещество», прилипшее к полу, которое впоследствии для кого-нибудь, даже для жены, станет вещественным доказательством.

Ему стало не по себе.

Девушка, прижимая к груди веточку, спокойно прошла вперед и уселась в кресло, стоящее в углу комнаты. Он был поражен тем, как раскованно она себя вела. Сидя в кресле, в котором обычно сидела его жена Атига, гостя с интересом рассматривала картины, развешанные на стене.

Джавад Амирханлы, удивленно глядя на девушку, медленно произнес:

– Добро пожаловать!

Улыбнувшись, она покачала головой.

За окном свистел резкий порывистый ветер.

В окнах домов стоял полный мрак.

Джавад Амирханлы все еще находился под влиянием аромата, распространившегося по всей комнате. Интересно, откуда идет этот изумительный запах, может, от ее волос, заплетенных в виде сосулек, или от веточки с блестящими серебристыми листьями, которую она прижимала к груди?

Девушка продолжала улыбаться...

Когда его жена Атига вышла из больницы, было еще довольно холодно. Первые дни она чувствовала себя очень хорошо, словно это была не та вечно угрюмая, злая и ворчливая женщина, с которой он прожил под одной крышей многие годы. Теперь всем своим поведением она излучала радость и любовь и даже порою, словно капризная молодая девушка, кокетничала с мужем. Джавад Амирханлы мог объяснить причину столь резкой перемены в характере и поведении жены двумя обстоятельствами: с одной стороны, это могло произойти под влиянием лекарственных препаратов, которые она принимала длительное время, а с другой, возможно, женщина решила полностью изменить свою жизнь в результате перемен, происходящих не только в ее внешнем, но и во внутреннем мире. Да, возможно, была еще одна причина: такое поведение жены могло быть связано с ее обостренным чувством ревности. Ведь большинство женщин, достигших определенного возраста, из кожи вон лезут, пытаясь если не вернуть, то хотя бы на какое-то время продлить свою молодость. Немолодые уже женщины

вновь хотят любить и быть любимыми. Однако до сих пор еще никому не удалось остановить время. Время, обнажив свой меч, правит не только отдельными судьбами, но и всем миром.

Атига стала любить жизнь еще больше и будто проживала свою вторую молодость. Женщина стала элегантно одеваться и покрасила в яркий цвет свои уже давно поседевшие волосы. Джавад Амирханлы также заметил, что дома жена стала носить халат с глубоким вырезом. В вырезе халата, украшенного широкой позолоченной каймой, виднелась большая, обвисшая, покрытая мелкими веснушками грудь, которая когда-то была изящной и соблазнительной. Еще до больницы ее длинные, когда-то привлекающие внимание своей красотой ноги были покрыты мелкой сеткой синеватых вен, напоминающих веточки дерева, и она их часто перевязывала. Похоже, что последнее лечение дало положительные результаты; после того, как Атига выписалась из больницы, синеватые вены на ногах стали почти незаметны. Из длинного разреза халата выглядывали ее тонкие белые ноги, которые вновь стали стройными и привлекательными. По-видимому, красота женщины определяется не только ее внешним видом, но, выражаясь языком ученых, зависит также и от внутреннего состояния. Но какими бы соблазнительными ни были ноги жены, они производили на него такое же впечатление, как и бледные холодные цветы, распустившиеся поздней осенью. Как бы там ни было, имея даже самые красивые ноги, невозможно вернуть свою молодость, и это желание не больше, чем мечта. Женщина всеми силами старалась противостоять тяжелой болезни и отчаянно боролась со старостью. Исходящий от ее тела запах дорогих духов говорил о желании сделать свою оставшуюся жизнь более полноценной и значительной. Всеми своими поступками она хотела напомнить пожилому мужу о том, что все еще молода и прекрасна.

Поведение жены стало раздражать Джавада, однако он старался быть сдержанным. Когда он глядел на полуобнаженную обвисшую грудь жены, на ее бледные, но стройные ноги, перед его глазами вновь оживали холодная зимняя ночь и прекрасная «снежная гостья». Девушка оставила в его памяти неизгладимый след, и он часто вспоминал ее прекрасные волосы, мраморную упругую грудь, стройные, серебристо-белого цвета ноги. Воспоминания об этой забываемой, удивительной ночи приводили его в самое радужное настроение.

Атига даже и во сне не могла представить, какими страстями и мечтами живет ее муж. Однако, прожив с ним долгие годы бок о бок, она в последнее время чувствовала, что муж стал относиться к ней абсолютно холодно и равнодушно. Он даже не ведал, что творится у нее внутри. Ее душа была похожа на дикий горный цветок, распустившийся весной. Всем своим существом он жаждал солнечного тепла и света, но холодный ветер, срывая лепестки, с воем пронесся над его головой.

Атига наивно думала, что все ее страдания и болезни остались позади, и теперь стремилась к новой, активной жизни. Ей вновь хотелось познать то прекрасное чувство, называемое любовью, которое она испытала в молодости. Женщина намеревалась провести свои оставшиеся годы не в спокойных, мутных водах старого океана, а в бушующих волнах молодой, бурной реки.

Однако Джавад Амирханлы все это время жил иными мечтами. В его сердце вновь расцветала любовь, такое сладостное и нежное чувство. Таинственные и пламенные желания уносили уже немолодого мужчину в мир волшебных грез. И теперь вся его жизнь потекла в ином направлении, словно бурная река, изменившая свое русло, и не было никакого смысла сожалеть о прожитых годах. Отступать было уже поздно, а будущее еще покрыто мраком неизвестности. Но что же ждет его впереди?

Видимо, то, что должно было произойти когда-то, произошло сейчас. Действительно, наверное, в этом мире по-другому быть не может.

Джавад Амирханлы старался не реагировать на поведение жены. Часто, погружаясь в глубокие размышления, он совершал длительные «путешествия» внутри самого себя. Нет, он не думал плохо о жене, да и не мог о ней так думать. Просто, когда он глядел на женщину,

которая всеми силами старалась казаться веселой и беззаботной, на ее бледное лицо, запавшие глаза и впалые щеки, его охватывала грусть, ведь это напоминало ему о том, что и он уже был далеко не молод, и большая часть жизни осталась позади. Однако в отличие от жены Джавад Амирханлы не пытался искусственно имитировать жизнелюбие и оптимизм. К сожалению, время, словно невидимый ветер, пронесется над людьми, оставляя на лицах свой горький след. И годы уходят безвозвратно.

Ласки жены не трогали мужчину. Он все больше и больше отдалялся от нее. Чувства его к ней давно остыли, и тепло пуховой постели, каждый вечер живописно разложенной женщиной, не согревало его. Холодное сердце не смогут согреть ни теплая постель, ни солнечный свет. Чтобы согреть холодное сердце, солнце должно взойти в душе самого человека.

В молодости Атига была стройной и привлекательной девушкой, и многие богатые и статные юноши предлагали ей руку и сердце. Однако девушка почему-то приняла предложение молодого ученого, который когда-то уже был женат. Дело в том, что Джавад Амирханлы рано потерял свою первую жену, которая скончалась при родах. Смерть жены и ребенка потрясла его, однако, как говорится, время лечит. Через некоторое время жизнь вошла в свое привычное русло, и известный в научных и общественных кругах прославленный ученый теперь шел по жизни вместе со своей второй супругой, Атигой. В первые годы совместной жизни они любили друг друга пылко и страстно. Многие друзья и знакомые считали их счастливой парой, но через какое-то время отношения между ними стали охладевать. Чувства, связывающие их друг с другом, постепенно разрушались, словно ржавая цепь. И причиной этому, по-видимому, была неспособность Атиги иметь детей.

Люди, многие годы живущие друг с другом под одной крышей, особенно супруги, часто понимают друг друга без слов, достаточно лишь знака или намека. Джавад Амирханлы чувствовал, что женщину, с которой он долгие годы разделял постель и кров, мучила не только опасная и ужасная болезнь, но и что-то другое, не подлежащее объяснению. В последнее время он стал замечать некоторые странности в поведении жены, и одной из этих странностей было вновь обострившееся в ней чувство ревности. Хотя супруги по-прежнему старались тепло относиться друг к другу, в действительности же между ними уже давно установились холодные отношения, словно они вели между собой тайную войну. Теперь их разделяла незримая ледяная стена, которую они не в состоянии были разрушить.

Атига не хотела поддаваться страданиям и боли, она пыталась вернуть молодость, хотела смеяться, путешествовать, любить и быть любимой. Однако радужное настроение длилось недолго. Тяжелый недуг вновь овладел ее телом. Лицо ее, еще недавно излучающее солнечный свет, вновь стало хмурым и холодным. По-прежнему гордая, она не стонала и не жаловалась, испытывая при этом невыносимые муки. Несчастливая женщина часто застывала посреди комнаты и, прищурившись, глядела в одну точку. Она часами упорно молчала, и Джавад Амирханлы знал, что таким образом она пытается наказать его. Это огорчало его, и он искренне жалел больную жену.

В тот день Атига, словно статуя, вновь застыла посреди комнаты.

На этот раз мужчина не выдержал, встал с кресла и медленными шагами подошел к жене. Подняв женщину на руки, он осторожно положил ее на кровать, затем страстно стал целовать в холодные губы. Перед его глазами постепенно стала оживать та, прежняя Атига, такая страстная, чувственная и желанная. Слегка сжимая ей грудь, он продолжал целовать ее. Теперь в его объятиях была не увядающая, словно осенние листья, супруга, а пламенная, пылающая страстью женщина...

С каждым днем Джавад Амирханлы все больше любил жизнь, не видя в этом ничего необычного. Видимо, в этом и заключается загадка природы. Как правило, в нашем брэнном мире большинство мужчин пожилого возраста вновь стремятся полюбить и даже не прочь жениться, и окружающими это почему-то приветствуется. Но если того же хочет уже немолодая

женщина, она тут же становится предметом для насмешек и издевательств со стороны окружающих, часто вызывая даже гнев и возмущение. И такое отношение к женщине было во все времена. Порою, чтобы избежать множества вопросов, возникающих из-за новой «влюблённости», мужчины связывают их с бытовыми проблемами. На самом деле быт здесь не играет столь важной роли. Скорее всего, это связано исключительно с физиологией мужчины и, по-видимому, в этом кроется какая-то тайна. И Джавад Амирханлы, как ученый, частично был посвящен в эту тайну. Правда, жена его была еще жива, и он всей душой желал ей исцеления. Ему даже в голову не приходило жениться снова, если, не дай Бог, с ней что-то случится.

Невольно закрыв глаза, он долго молчал. Молчала и Атига. Боже, может, это была вовсе и не его жена, а неизвестная женщина, вернее, ночная гостья, однажды оказавшаяся на балконе его квартиры в холодную зимнюю ночь. Может, это не Атига, а именно та девушка сейчас так страстно целовала и ласкала его. Джавад Амирханлы, словно испугавшись своих внезапных мыслей, вздрогнул. Вновь обняв жену, он сжал ее грудь. Слабыми, обессиленными руками женщина обвила шею мужа.

– Джавад, не дай мне умереть, – тихо простонала она. – Я не хочу, чтобы болезнь вновь овладела моим телом. Где твоё лекарство «вечная жизнь», Джавад? Я хочу жить, не хочу умирать...

Пожалуй, впервые за долгие годы брака он видел, как горько плакала его жена. Женщина никак не хотела мириться со своим возрастом, точнее, с годами, которые так быстро убывали. Время неумолимо шло вперед, и она была не в силах остановить его. Быть может, ей казалось, что «золотые годы» ее жизни были украдены мужчиной, с которым она жила под одной крышей вот уже много лет. Видя отчаяние жены, мужчина растерялся. Но что он мог сделать? Не мог же он по желанию подчинить себе время, летящее с молниеносной скоростью.

Опечаленный ее словами, Джавад Амирханлы чуть было не расплакался, но, тут же взяв себя в руки, стал нежно гладить рукой ее пышные, блестящие, рассыпанные по плечам и груди волосы.

Он сразу же понял, что имела в виду жена, когда спросила: «Где твоё лекарство „вечная жизнь“, Джавад?» В научном учреждении, где он работал, лишь немногие знали о его идеях, а дома он вообще никогда не упоминал об этом. Говорить о своей научной работе в кругах, не связанных с наукой, он считал делом некорректным. Тех же, кто из кожи вон лез, чтобы получить очередное звание, представляя свои заурядные научные статьи и исследования чуть ли не большими научными открытиями, он называл не учеными, а «маклерами» от науки.

Боже, значит, и жена знает о его «секретных» идеях, над которыми он ломает голову вот уже многие годы. Выходит, что число людей, которые верят, как и Атига, что когда-нибудь его идеи станут реальностью, может быть значительно больше.

Хотя Атига была слаба, ее полузакрытые глаза выражали благодарность и признательность. Женщина словно воскресла. Немного погодя она встала и стала смотреть в окно. Сидя на краю кровати, Джавад Амирханлы исподлобья наблюдал за ней. Застегнув халат, она прошла еще немного вперед и, сощуриив глаза, внимательно стала рассматривать «серебряное дерево». Затем, видимо, устав стоять на ногах, тихо опустилась в кресло, в котором еще недавно сидел муж, и, глубоко вздохнув, продолжала глядеть в окно.

Обхватив голову руками, Джавад Амирханлы сглотнул слюну. Ему хотелось успокоить жену, сказать ей несколько ласковых слов, но на ум ничего не приходило, и он предпочел ничего не говорить. Женщина обернулась и посмотрела на мужа загадочным, испытующим взглядом; ее бледные губы дрожали. Мужчина не мог понять, какое у нее настроение, плачет она или смеется. В это мгновение он натянутыми, словно струна, нервами ощутил неясную тревогу.

«А вдруг... вдруг „ночная гостья“ вновь пожаловала сюда, и что теперь мне делать? – подумал он. – Если она уже здесь, то наверняка Атига заметила ее. Но нет, этого не может быть,

если бы она появилась, я бы знал об этом. Дурак, откуда ты можешь знать, ведь она заранее не предупреждает о своем приходе? Может, до сих пор она приходила к тебе по приглашению?.. Дурак ты, Джавад, полный дурак...»

Он уже выбрал для нее имя – Беяз. Мужчина надеялся, что девушка вновь появится здесь, и с нетерпением ждал ее появления.

Однако в сердце его затаился страх: вдруг она, словно голубка, вновь залетит на балкон и в присутствии Атиги станет звать его. Что тогда он скажет жене, как заставит ее поверить в то, что с этой женщиной его ничего не связывает? А может, она вовсе и не женщина, а джинн или колдунья?

Если его жена увидит «ночную гостью», то наверняка от гнева и боли у нее может разорваться сердце. Хотя с виду Атига и казалась женщиной сдержанной и немногословной, Джавад Амирханлы знал, какие страсти бушевали в ее душе. Он хорошо помнил, как еще несколько лет назад, увидев его идущим под ручку со знакомой женщиной, она с шипением, словно ядовитая змея, будто случайно разбила вдребезги первую попавшуюся в руки тарелку. Тогда Атига не сказала ему ни слова, но ясно дала понять, что хотела этим выразить. В то время он пытался все объяснить жене, но так ничего и не добился. Между ними произошел диалог, который в конце концов ни к чему не привел.

«Атига, женщина, которую ты видела сегодня, замужем. Это моя старая сотрудница. Я совершенно случайно встретил ее на улице. У нее болела нога, и поэтому я предложил ей взять меня под руку...»

«Что ты так беспокоишься, разве я тебя в чем-то упрекаю, или расспрашиваю, кто эта женщина?»

И вправду, впоследствии она ни разу не упомянула об этом. Однако еще долгое время своими действиями и поступками давала понять мужу, что обида, причиненная им, не забылась. История эта послужила ему хорошим уроком, и Джавад Амирханлы был полностью уверен, что если в будущем он вновь столкнется с подобной проблемой, жена будет мстить ему и даже не побрезгует подставить под удар.

И вот наверняка на балконе его квартиры вновь появилась Беяз. А может, там никого и нет, просто все это время его терзали сомнения.

Но почему Атига, устремив свой взгляд на балкон, не произносит ни звука? Почему молчит? Ведь она была не из тех, кто мог бы равнодушно отнестись ко всему увиденному. Даже в минуты, когда она была возбуждена, ее молчание могло бы вместить события чуть ли не в целый роман.

За все то время, что они прожили вместе, Джавад Амирханлы хорошо изучил нрав жены. Он знал, что даже если в самый трудный момент она напрямую не скажет ему о том, что ей не нравится, то рано или поздно проявит недовольство каким-нибудь иным способом. И порою это недовольство выражалось тяжелым молчанием.

Если бы она заметила что-то необычное на балконе, то наверняка сказала бы ему об этом. И как бы он объяснил появление неожиданной гостьи? Впрочем, Джавад Амирханлы был тут ни при чем, ведь он не приглашал это «нечто» на свой балкон. Ему стало страшно, страшно оттого, что он не сможет ответить на вопросы, не поддающиеся абсолютно никакой логике.

Если он расскажет жене историю своего странного знакомства с неизвестной женщиной, то не только она, но и все вокруг не поверят ему. Особенно в то, что неизвестная женщина появилась ночью на его балконе, да еще и в обнаженном виде.

Теперь клянись и божись, что это не имеет к нему никакого отношения, и даже если имеет, то он точно об этом ничего не знает. Иногда ему казалось, что против него организовали тайный заговор с целью шантажа. Но если это шантаж, то кто же спланировал его и с какой целью? Обычно такими играми занимаются политики, и он даже слышал, что многие высокопоставленные чиновники не брезгают снимать на видеокамеру своих конкурентов в постели

с другими женщинами либо с мужчинами с целью их разоблачения. Но, слава Богу, Джавад Амирханлы не имел ни высокой должности, ни политических противников и, тем более, ни с кем не враждовал.

Но почему же эта бестия, «ледяная женщина», выбрала именно его, почему задалась целью опорочить его доброе имя?

Нет, все это противоречит здравой логике. А может, всего этого попросту и не было. «Но как же – не было? Я же еще в своем уме».

Атига словно оцепенела. Сидя в кресле, она все еще неотрывно смотрела в сторону балкона. Джавад Амирханлы боялся даже пошевелиться. Неожиданно глаза жены, до того сощуренные, расширились, она хотела было что-то сказать, но ее голос охрип. Словно невидимая рука, схватив женщину за горло, стала душить ее. Со звуком, словно от удара кулаком, она рухнула на пол.

Джавад стремительно рванулся вперед. Став на колени, он обеими руками обхватил жену за талию, затем поднял на руки и положил на кровать. Атига пыталась что-то сказать, но язык заплетался, в груди хрипело. Растерявшись, мужчина раздвинул рукой ее сомкнутые губы и приставил свой рот к ее холодным губам. Сделал вдох. Женщина забилась, словно попавшая в силки птица. Открыв глаза, она каким-то отчужденным взглядом смотрела на мужа.

Он вытер холодный пот, проступивший на лбу. Едва открыв глаза, жена, лежа на кровати, вновь устремила взгляд на окно, выходящее на балкон. Джавад Амирханлы все еще не осмеливался взглянуть туда. Потом, спохватившись, взял трубку телефона и позвонил в «скорую помощь». Наклонившись над кроватью, мужчина смотрел на жену, которая, лежа на кровати с открытыми глазами, еле дышала.

– Атига... Что с тобой? Отвечай, Атига...

Но она не отвечала. Ему показалось, что у нее отнялся язык, и она потеряла сознание. Мужчина какое-то время в растерянности стоял у изголовья жены, затем, нагнувшись, осторожно поцеловал ее в лоб. Женщина едва дышала. Джавад Амирханлы посмотрел в сторону балкона. На улице было пасмурно и дождливо.

Через некоторое время послышался сигнал «скорой помощи».

...Джавад Амирханлы ежедневно навещал жену в больнице и делал все возможное для того, чтобы она выздоровела. Сильно похудевшая, с землистым цветом лица, женщина выглядела истощенной и слабой, и когда пыталась сказать что-то, язык ее заплетался. Он понял, что болезнь жены неизлечима.

Супруги прожили вместе долгую жизнь и знали друг о друге почти все. Будучи по натуре инертным, замкнутым и нелюдимым, Джавад Амирханлы на самом деле был сильным, стойким и мужественным человеком. Глубоко сострадая и сочувствуя больной жене, он в то же время обдумывал свои планы на будущее.

Хотя он немного и устал от событий, которые происходили с ним в последнее время, но по-прежнему занимался своими обычными делами: каждый день ходил на работу, проводил свои исследования в лаборатории и с нетерпением ждал перемен, которые могли бы произойти в его жизни в ближайшее время. Но он не мог знать заранее, что уготовила ему судьба: хорошее или плохое.

Атига, лежа в больнице, стойко боролась с болезнью, но, с присущей большинству женщин хитростью, украдкой следила за поведением и поступками супруга. Женщина чувствовала, что в последнее время муж стал вести себя как-то странно.

Когда он, работая в течение долгого времени над очередной книгой, замыкался в себе и ни на что не обращал внимания, Атига знала, что его посетило «вдохновение». Но сейчас она чувствовала, что мужа беспокоят не муки творчества, а что-то другое, неведомое ей. Она злилась на него, знала, что на все ее расспросы он ответит молчанием, и поэтому ни о чем не расспрашивала его. Что толку портить себе нервы? Лежа на больничной койке, женщина

запавшими от болезни глазами долго глядела на мужа. В эти моменты Джавад Амирханлы чувствовал себя неловко.

Вот уже несколько дней ему не давал покоя один и тот же вопрос: «Интересно, когда в тот злополучный день Атига неотрывно глядела на балкон, была ли там Беяз?» Только жена могла точно ответить на все его вопросы, но она была тяжело больна. Кроме того вряд ли она смогла бы дать вразумительный ответ. Ведь порою правда может поставить человека в безвыходное положение. К тому же, о какой правде может идти сейчас речь? Многие люди, даже самые близкие, которым он доверял, услышав об этом, поднимут такой шум, мало не покажется; так что пока не следует доказывать кому-то, что все, что произошло с ним, правда – сразу же отправят в сумасшедший дом.

«Интересно, она все-таки была там или нет?» – по-прежнему не давал ему покоя этот вопрос, постоянно прокручиваясь в голове, словно магнитофонная лента.

Через несколько дней из Турции приехала сестра Атиги, Шахла, которая преподавала в одном из университетов Стамбула. Она провела у них несколько дней. С каждым днем здоровье Атиги ухудшалось, и по настоянию Шахлы они решили перевезти ее на лечение в Стамбул. Перед их отъездом в Турцию у Джавада Амирханлы поднялось давление, и врачи запретили ему лететь самолетом. Шахла-ханым вынуждена была одна отвезти свою сестру в Турцию.

Отправив жену в Стамбул, Джавад Амирханлы какое-то время не выходил из дома. Теперь он столкнулся с одиночеством лицом к лицу, и оно, это одиночество, стало ему ближайшим другом. От ночной гостыи не было пока никаких новостей. Временами звонила из стамбульской больницы Шахла и сообщала ему о состоянии здоровья жены; по ее словам, в настоящее время ей проводили полное обследование.

Проходили дни, и Джавада Амирханлы стало тяготить одиночество. Внезапно его охватило сильное желание поехать туда, где он родился. Ему казалось, что кто-то зовет его в прошлое. Уехав из деревни много лет назад, он больше туда не возвращался. Он знал, что там его уже никто не ждет, но ему вдруг захотелось побывать в родных местах.

...Наступила весна. Как правило, в это время года обновляется не только природа, но и душа человека. И в эти прекрасные весенние дни душа его жаждала обновления.

В одну из теплых весенних ночей на балконе его квартиры вновь появилась «ночная гостыя». Беседа их продолжалась до тех пор, пока на небе не погасли звезды. Затем, попрощавшись с девушкой, он вернулся в комнату. С фотографии на стене на него смотрела молодая Атига и улыбалась.

Через несколько дней Беяз вновь постучала в дверь, выходящую на балкон...

...И вот однажды, в один из весенних солнечных дней, взяв очередной отпуск, он отправился в деревню Чапарлыг, где родился и вырос.

Изложив свою просьбу председателю муниципалитета Рахману, Джавад Амирханлы налил из большого графина воды в медную кружку и залпом ее выпил.

Во дворе кто-то громко смеялся, хлопая себя обеими руками по коленям.

Рахман, нервно открыв настежь окно, высунулся наружу и гневным, полным ярости голосом закричал:

– Ну, что случилось? Что это за шум? Ты не в лесу, не можешь тише?

Один из тех, на кого накричал Рахман, вероятно, тот, кто смеялся, сдавленным, хриплым голосом ответил:

– Прости, ради Бога...

Принесенные извинения успокоили Рахмана, и он с довольным видом сел напротив гостя, но не на свое обычное место – большое кожаное кресло, символизирующее власть, а на новый стул, стоящий у стола.

– Джавад-муаллим, здесь ваша родина. Вы можете приобрести здесь любой участок земли, который только захотите, и даже построить дом. Наш долг – помогать интеллигенции, холить и лелеять ее. Но...

Гостю явно не понравились последние слова, и он нервно ответил:

– Мне всего этого не нужно. Я вам что, женщина? Выделите участок земли, который мне нужен, и этого будет достаточно.

Рахман было смутился, но, взяв себя в руки, терпеливо ответил:

– Джавад-муаллим, вы образованный человек, почему не хотите понять, что участок, который вам нужен, не имеет никакого отношения к муниципалитету. Мы не сможем выделить участок возле пещеры, ведь земля эта принадлежит государству...

Джавад Амирханлы не на шутку рассердился.

– Послушай, Рахман! Я не прошу у тебя целый лес, мне нужен там лишь небольшой участок земли, примерно пять-десять метров, вот и все...

Виновато опустив голову, Рахман замолчал. Ему больше нечего было сказать столь уважаемому и почтенному человеку. Через некоторое время, словно о чем-то вспомнив, он поднес руку к виску, затем встал и нехотя, почти шепотом произнес:

– Пожалуйста, не нервничайте, Джавад-муаллим. Я вас очень уважаю. Вы гордость не только нашего района, но и всей страны. Вас знают почти во всем мире... Но пока что вы здесь наш дорогой гость. Уже полдень, пойдемте обедать. Затем подумаем и вместе придем к какому-нибудь решению. Поверьте, решение этого вопроса не зависит полностью от меня.

Джавад Амирханлы вновь сердито спросил:

– А от кого это зависит?

– От вас... Это зависит от вас, – нехотя ответил Рахман.

Джавад Амирханлы, хлопнув в ладони, вдруг рассмеялся, как ребенок:

– Зависит от меня? Тогда я вам даю разрешение, идемте, уточним место. Ха-ха-ха... Вы, кажется, шутите, не так ли?

– Я не шучу. Это правда. Одно слово навверх, и все. Остальное вас не касается, я все сделаю сам. И если будет указание сверху отдать вам весь Бузлаг, мы это сделаем. А сейчас, прошу вас, пойдемте, выпьем по стакану чая у Мовлуда.

Столовая находилась неподалеку, на берегу реки. Вода в реке была такая прозрачная, что на дне отчетливо виднелись рыбки и мелкие, сверкающие камешки.

Они вошли в чистую и аккуратную столовую. Рахман сделал заказ. Удивленный странным поведением и поступками ученого, председатель муниципалитета был растерян и не решался заговорить с ним первым. Еще при знакомстве с Джавадом Амирханлы он почувствовал, насколько тот был нетерпеливым, быстро выходящим из себя человеком. И теперь он боялся сказать какое-нибудь неосторожное слово, чтобы не испортить все дело.

Рахман, конечно же, много слышал о своем знаменитом земляке. Он также слышал, что тот был честным, принципиальным человеком, всегда стоящим на стороне правды, он также слышал, что его работы были опубликованы во многих странах мира и что он даже является обладателем ряда престижных премий. Но почему он ведет себя, как малый ребенок, почему так легко выходит из себя? Симпатия, прежде зародившаяся в душе Рахмана к Джаваду Амирханлы, стала постепенно таять, словно снег под лучами весеннего солнца.

Народу в столовой было немного: несколько человек за столом играли в домино. Увидев председателя муниципалитета с известным ученым, они поздоровались, затем встали и ушли в сторону реки, на берегу которой рос ивняк. Вскоре оттуда вновь стали раздаваться монотонные звуки от ударов костяшками домино.

В углу столовой стоял большой цветной телевизор, но цвета на экране были размыты. Видимо, плохое изображение было связано с неисправной антенной. Голос человека, выступавшего по телевидению, показался Рахману знакомым. Когда изображение стало немного

отчетливей и звук более ясным, Рахман понял, что не ошибся. Мужчина, лицо которого было покрыто мелкими и крупными веснушками, был их земляк, Хамза Чапарлы, известный всем ученый и уважаемый человек. Сиплым голосом он призывал народ сплотиться вокруг нового руководства и сохранять в дальнейшем стабильность, достигнутую за последние годы. Рахман знал, что Хамза Чапарлы был далеко не простым человеком. Старейшины деревни еще хорошо помнили и его отца, Хурряма Чапарлы, который в свое время был известен своими «добрыми» делами. Занимая ответственный пост в районе, Хуррям Чапарлы, как правило, имел привычку расхваливать среди «простого люда» всех тех, кого назначали на высокую должность, ну, а тех, кого снимали с должности, осыпать отборной бранью. Привычка эта перешла от отца к сыну, а затем – от сына к внуку и сын Хамзы Чапарлы, Джамшид, с честью продолжал путь своих отца и деда. Лозунг семьи был таков: будь другом тех, кого назначают на высокие посты, и врагом всех, кого с них снимают. Вот и все. Теперь отца, то есть Хурряма Чапарлы, некогда занимавшего высокий пост в руководстве района, представлял его сын Хамза – уже чуть ли не в масштабе всей страны. В последнее время часть этой миссии осуществлял и сын Хамзы Чапарлы, весельчак и кутила Джамшид. Унаследованный от отца опыт Хамза Чапарлы с большим энтузиазмом и мастерством теперь передавал своему сыну, а также подрастающему поколению внуков и правнуков. Пресмыкаясь и лебезя перед чиновниками, занимающими высокие посты в центре, Хамза Чапарлы в последние годы превратился в одного из самых авторитетных людей в регионе; его боялись не только те, кто занимал должности в деревне, но и руководители района. На всех мероприятиях и заседаниях отец с сыном сидели на почетных местах, и каждое их выступление перед народом, особенно перед земляками, сопровождалось громкими аплодисментами. Хотя председатель муниципалитета в душе и не любил всех Чапарлы, но старался сохранять с ними хорошие отношения. Что делать, нужно идти, как говорится, в ногу со временем, ведь у семьи Чапарлы были «длинные руки».

Глядя в телевизор, Рахман думал: «Интересно, как относятся друг к другу эти два образованных человека, выходцы из одной деревни?» Конечно же, ему было бы интересно узнать об этом. Однако сейчас он не решался спросить об этом Джавада Амирханлы, боялся, что этот невоздержанный на язык человек не сможет сдержать себя и скажет что-нибудь лишнее о Хамзе Чапарлы, который для всех здесь был непререкаемым авторитетом. И Рахман, как и многие в деревне, боялся его.

В деревне у Хамзы Чапарлы было немало родственников и друзей, и большую часть времени он проводил именно здесь. Вокруг него всегда толпилось много народу. Как человек, творивший «добро», он за деньги устраивал людей на хорошую работу, давал ценные советы беднякам, исполнял роль тамады на свадьбах, рассказывал на поминках о религиозных обрядах и традициях. От рассказов этих люди чуть ли не готовы были расплакаться. Как говорится, он был человеком, что гнал лошадь во весь опор, и никто не смел встать у него на пути. Вот и сейчас Рахман со своим городским гостем сидел в столовой, построенной по инициативе Хамзы Чапарлы, точнее сказать, столовая принадлежала ему самому, и он сдавал ее в аренду местному дельцу и проныре Мовлуду. Его «доброта» на этом не закончилась, он также устроил сына Мовлуда на работу в один из районных банков, а его невестку пристроил возле себя, в специально построенном в деревне офисе для приема односельчан.

Неожиданно перед ними появился сам директор столовой Мовлуд. Сначала он обеими руками пожал руку гостю, а затем поздоровался с Рахманом.

– Добро пожаловать. Будьте моими гостями. Очень рад видеть у себя таких прекрасных людей... Мовлуд всегда к вашим услугам! – радостно воскликнул он.

Это был долговязый, с чуть наклоненным вперед торсом мужчина, с острым носом и большими торчащими ушами, чем-то напоминавший индюка. Представившись, Мовлуд, не дожидаясь приглашения, взял стул и уселся возле них.

– Эй, Зумруд, сначала принеси чай, – крикнул он полной женщине в белом халате, затем, обратившись к гостям, спросил: – Что вы будете есть?

Рахман его опередил:

– Мовлуд, не беспокойся. Мы уже сделали заказ. Джавад-муаллим ест только жидкую пищу.

– А может, шашлык....

– Нет... – решительно отказался Джавад Амирханлы и добавил: – Вот из-за этого шашлыка наш народ довел себя до такого состояния.

Хозяин столовой удивленно пожал плечами:

– До какого состояния?..

– Конечно, Джавад-муаллим шутит, – попытался отшутиться Рахман.

– Нет, это не шутка, я говорю истину. У народа, который много жрет и пьет, котелок не очень-то хорошо варит, – сказал серьезным тоном Джавад Амирханлы.

Немного помолчав, Мовлуд сказал:

– Нет, муаллим, простите меня, но это не так. Вы думаете так, как европейцы. Многие из них не едят мяса, потому что работают мало. Мы же работаем днем и ночью. – Последние слова Мовлуд произнес громко, указывая рукой на экран телевизора. – Вот видите этого человека, он говорит: ешь мясо, скачи верхом на лошади и еще женщину... – Мовлуд снова хотел было что-то сказать, скорее всего, какую-нибудь «мудрость» о женщинах, но, увидев злое выражение на лице Джавада Амирханлы, стал заикаться, а затем замолчал.

Джавад Амирханлы заерзал на месте и, словно на что-то намекая, сказал:

– Почему не говоришь о третьем? Ну, продолжайте, третьим пунктом что он предлагает с женщинами...

Переглянувшись между собой, Мовлуд с Рахманом невольно рассмеялись, не понимая настроения этого странного, непонятного им человека.

Сердито покачав головой, гость резко встал. «Какая муха его укусила? – подумали они, глядя на него. – Что явилось причиной столь внезапного гнева?»

Джавад Амирханлы с угрозой в голосе крикнул:

– Вам, кажется, не удалось в точности процитировать источник!

– Джавад-муаллим, – обратился к нему Рахман, – возможно, между вами и Хамзой Чапарлы произошел какой-то научный конфликт, но нас это не касается. Мы любим и ценим вас обоих. Вы – гордость нашего народа...

– Мы хорошо знаем, кто есть кто, – громко сказал Мовлуд. – Хамза Чапарлы – гений, которым гордится весь наш край. – Долговязый, похожий на индюка Мовлуд нашел подходящий случай, чтобы громко закудахтать на всю округу: – Хамза Чапарлы ни с кем не сравнится, его ни с кем нельзя ставить на одну чашу весов...

Джавад Амирханлы усмехнулся; поправив пиджак, он застегнул его на все пуговицы и направился в сторону входной двери.

– Хм... «Научный конфликт»... «Гений»... Ах, как красиво звучит... Рахман, после обеда ты, верно, вернешься в управление...

Рахман встал и, согнувшись, смущенно пробормотал:

– Джавад-муаллим, ведь вы... Ведь вас же никто не обидел... Если мы совершили ошибку, извините... Нехорошо вставать из-за стола раньше времени...

Не дослушав его, Джавад Амирханлы вышел на улицу и быстрым шагом направился в сторону управления.

Мовлуд с Рахманом удивленно смотрели друг на друга, не понимая причины столь неожиданного поступка ученого.

– Что это с ним?

– Не знаю. Мне тоже непонятны его выходки, – медленно ответил Рахман.

– Хорошо. А с какой целью он сюда приехал?

Рахман пожал плечами.

– Хочу, говорит, построить дом у леса, возле Бузлага.

Глубоко вздохнув, Мовлуд покачал головой:

– Ей-богу, от таких людей надо держаться подальше. При близком с ними знакомстве понимаешь, что большинство из них просто не люди. Не все такие, как Хамза Чапарлы... Может, я ошибаюсь или что-то говорю неправильно, а, Рахман?

– Да, это так, – согласился с ним Рахман.

...Родители Джавада Амирханлы были родом из этого села. Когда он был еще ребенком, его отца репрессировали как «врага народа». На судебном заседании, всего за пять-шесть минут так называемая «тройка», то есть группа, состоящая из трех человек, приговорила его отца к высшей мере наказания – расстрелу, после чего мать, оставшись без кормильца, переехала в город к родственникам.

Студентом он каждое лето вместе с матерью приезжал в деревню на каникулы. В то время был еще жив дядя и другие близкие родственники. Проходили годы, он стал все реже бывать там, а после смерти матери и дяди и вовсе перестал приезжать.

Еще молодым Джавад Амирханлы был уже известен чуть ли не во всем мире; он был не только талантливым математиком и физиком, но и известным спортсменом. Позже спорт отошел на второй план, и математик Джавад Амирханлы овладел еще одной специальностью, закончив биологический факультет университета. Вскоре он стал известен миру и как выдающийся биолог. Он неоднократно выступал на различных международных конференциях, его имя стояло в одном ряду с именами известных и авторитетных ученых, а многочисленные ученики и последователи были разбросаны по всему миру. Земляки также слышали, что после смерти первой жены он женился во второй раз на Атиге-ханым.

И вот именитый ученый в столь почтенном возрасте решил обосноваться в деревне. Конечно же, нет ничего предосудительного в том, что люди иногда возвращаются в родные места. Но дело было в том, что Джавад Амирханлы приехал сюда с довольно странной и сомнительной просьбой: по словам его дальних родственников, он решил обосноваться здесь, чтобы проводить различные опыты и реализовать целый ряд важных научных проектов. Однако каким образом он собирался реализовать задуманное, никому не рассказывал.

К его приезду земляки отнеслись по-разному. Многие из тех, кто когда-то переехал из деревни в город, не понимали его. Вся эта история казалась им загадочной и темной. В селе у Джавада Амирханлы не было близких родственников; некоторые из них уже покинули этот мир, другие же переехали в другие города. Здесь же у него остались лишь некоторые дальние родственники, друзья детства, а также представители интеллигенции, в особенности преподаватели математики, физики и биологии, которые только при одном упоминании его имени испытывали чувство гордости и верили в счастливое будущее науки. Однако многие смеялись и потешались над ними. «Разве у нас еще есть наука, и какое у нее может быть будущее?» – с пренебрежением говорили они. Большинство из тех, кто покинули родные места и переехали в большие города, были, в основном, молодые люди. Кто побогаче, те и вовсе переехали в ближнее и дальнее зарубежье. Многие из них не только ничего не знали о науке, еще немного, они забыли бы и грамотную речь. Торговля, бизнес взяли верх над всеми ценностями. Чуть ли не все и вся было построено на деньгах.

Людям казалось странным желание известного ученого поселиться здесь. По словам председателя муниципалитета, он потребовал выделить ему участок земли у леса, недалеко от пещеры Бузлаг. Однако земля, расположенная далеко от села, не имела никакого отношения к сельскому муниципалитету. Рахман, как председатель муниципалитета, не имел права продавать или отдавать кому-то в пользование землю, которая считалась собственностью государства. И вот уже несколько дней в деревне люди судачили об этом. Местные жители, оставшиеся

после развала колхоза без работы и чуть ли не без средств к существованию, собрались возле давно не действующего Дворца культуры, чтобы обсудить эту важную новость. Они хотели выяснить основную причину, по которой Джавад Амирханлы приехал в родное село. Все говорили по-разному. Самым интересным было то, что здесь присутствовали также и представители местной администрации, тем самым порождая все новые и новые слухи. Они не только не хотели, чтобы Джавад Амирханлы остался жить, пусть даже и временно, в доме, который когда-то принадлежал его семье, но и намеревались отказать ему в его просьбе официально. Оказывается, в действующем законодательстве, касающемся жилищного кодекса, был целый ряд важных положений о собственности, и сельское руководство, исходя из этого, посчитало чуть ли не «святым» долгом охранять, как зеницу ока, эти законы.

В деревне нашлось немало людей, которые от всей души приглашали Джавада Амирханлы погостить у них, хотя бы и временно, но он упорно отказывался, желая до того, как поселится возле Бузлага, оставаться пока что в отцовском доме.

Почему же местная администрация не разрешала ему жить в своем старом полуразрушенном доме? Дело было в том, что теперь этот дом считался чужой собственностью, и Джавад Амирханлы не имел никакого права здесь жить. Тем не менее, после долгих обсуждений местные власти пришли, наконец-то, к положительному решению. Видимо, в каждом полноценном законе есть свое слабое звено. Утвердили протокол, отыскивали запечатанную сургучом книгу и записали туда разрешение.

Позвонив кому-то, местные власти получили разрешение взломать замок и войти в дом. С благословения старейшин деревни, в присутствии соседей и представителей власти ржавый замок был взломан и дверь открыли.

На самом деле это был не дом, а, скорее всего, лачуга, похожая на хлев для скота. Один из представителей местной администрации еле удержался от смеха, видя, с каким довольным видом ученый вошел в грязную, вонючую комнату. Этот давно уже не молодой человек радовался, как дитя, словно впервые вошел в ворота царского дворца. А может, и вправду, в этом «дворце» были спрятаны сокровища? Или что мог потерять такой выдающийся ученый в этой полуразвалившейся убогой лачуге, расположенной в далекой от цивилизации деревне? Поблагодарив своих земляков, Джавад Амирханлы тем самым дал им понять, что они могут быть свободны. Люди, конечно же, поняли его намек и тотчас разошлись.

В доме, когда-то принадлежавшем семье Джавада Амирханлы, некоторое время жил молодой одинокий юноша, колхозный ветеринар. После распада колхоза он, оставшись без средств к существованию, подался на заработки в соседнюю страну.

Было видно, что гнилая черепичная крыша уже давно отжила свой век. Доски на полу разошлись и погнулись. Узорчатые обои, наклеенные на стены еще в допотопные времена, покрылись серо-желтыми пятнами. Древесные черви, пробуравив оконные рамы и двери, сделали их больше похожими на пчелиные соты. Лежа на старой деревянной тахте, Джавад Амирханлы некоторое время глядел в потолок. Стены дома были покрыты серебристой паутиной, сквозь которую виднелись высохшие трупы пчел и мух; точно ветер пригнал к берегу рыболовную сеть, полную мелкой и крупной рыбы.

Вскоре он заснул глубоким безмятежным сном. В ту ночь он видел во сне много снега, видел, как ветер заполняет им огромную пустоту. Огромные снежные комья, похожие на охапки хлопка, постепенно наполнили пустоту снегом до самых краев. И на этом полном снега пространстве дремали драконы. Но потом они стали извергать огромные языки пламени, и все вокруг запылало. Пламя чуть обжигало его лицо.

... Он вскочил с кровати. Комнату окутал едкий дым. Быстро одевшись, сразу же выбежал на улицу.

Было уже утро. Лучи солнца отражались в окнах сельских домов. Возле соседнего дома, в котором жил краснощекий, крепкого телосложения угрюмый мужчина, горели навоз и мусор,

распространяя повсюду едкий черный дым. Сосед жег мусор и, видно, не знал, что в комнату, в которой спал Джавад Амирханлы, через открытое окно проникает дым.

Джавад Амирханлы сдавленно закашлял.

Сосед, не здороваясь, концом вил подбросил кучу мусора в огонь.

– Будь здоров, сосед, – пробормотал он вдруг, вновь подкидывая мусор в огонь. – Надо следить за собой, мало курить. Почему ты так кашляешь?

Взметнувшийся из-под клубов черного дыма язык пламени чуть было не опалил лицо Джавада Амирханлы. Все еще покашливая, он вдруг вспомнил о своем недавнем сне.

Краснощекий, похожий на болвана мужик внезапно рассмеялся.

Смерив его злобным взглядом, Джавад Амирханлы еле сдержался, чтобы не наругать ему, а тот продолжал смеяться.

Он вернулся в маленький дворик своего дома. Медный старый чайник, найденный им среди кучи хлама, поблескивал под лучами горящего солнца. Собрав хворост, мужчина развел огонь и поставил на него валявшийся в углу дома ржавый железный треножник. Сухой хворост стал потрескивать, разбрасывая вокруг искры. Наполнив чайник водой, Джавад Амирханлы поставил его на треножник, а сам отправился в маленький магазинчик, чтобы купить сахар и печенье. Вернувшись, он с удовольствием стал пить чай из мятой железной кружки, найденной в старом шкафу.

...Сейчас он стоял возле своего ветхого дома, глядел вдаль, и перед глазами вновь оживало то странное существо. Ему казалось, будто он видел это во сне, однако чувствовал, что все это происходило с ним на самом деле. Ведь он видел это странное существо собственными глазами, чувствовал его дыхание. Тем не менее, рассказать об этом кому-нибудь и даже представить это в своем воображении казалось ему делом невыполнимым. И что скажут люди, услышав об этой истории? Возможно, никто не скажет ему что-либо в лицо, но то, что будут насмехаться за спиной, знал совершенно точно. Однако упрекнуть людей в чем-либо он бы не посмел. Кто же в наше время поверит, что представитель иных миров посетил их большой город, став гостем известного ученого, и к тому же снабдил его ценной информацией? По правде говоря, Джавад Амирханлы и сам уже сомневался в том, прибыла ли его гостья из других миров. Хотя во время беседы девушка вскользь и рассказала ему о себе, он все равно не смог бы никому доказать, что все это было правдой.

Чувство, которое привело его в эту деревню, имело непосредственную связь с событиями, происходившими с ним в городе. Нет, загадочная гостья абсолютно не настаивала на том, чтобы он переехал в деревню. Однако у него было чувство, будто чья-то сильная рука, схватив его за ворот, выдернула из удобной городской квартиры и закинула в эту убогую деревню.

Многие жители деревни стали наперебой приглашать Джавада Амирханлы в гости. Этот высокий седовласый мужчина значительно отличался многими чертами своего характера, в особенности простотой, от других известных, занимающих высокие посты земляков, и это вызывало у односельчан симпатию к нему. Когда у него было хорошее настроение, он смеялся, как ребенок, когда же шурился, его большие карие глаза будто таяли на лице. Порою Джавад Амирханлы мог сильно рассердиться. В минуты гнева на его широком лбу проступали вены и, извиваясь, словно змеи, становились ярко-красными. В такие моменты от него можно было услышать громкие проклятия, посылаемые в адрес нерадивых чиновников, но односельчане старались не обращать на это внимания.

Со дня приезда в деревню Джавад Амирханлы ни разу не слышал о «ночной гостье». Девушка, которую он называл «Безз», еще в городе говорила ему о том, что прибыла из пещеры Бузлаг, заполненной вечными льдами. Еще с детства ему было известно о существовании той пещеры, но о том, чтобы кто-то жил там?... Он ни разу не слышал о том, что в ледяной пещере живет «снежный человек», точнее, «ледяная девушка», и если сейчас расскажет об этом, наверняка вызовет смех у слушателей какой-нибудь серьезной аудитории. Его рассказ вызовет недо-

умение не только среди опытных, вечно во всем сомневающих ученых, но и среди неграмотных сельчан. И вот по этой причине Джавад Амирханлы никогда и нигде не упоминал о Беяз. Еще не хватало, чтобы в столь почтенном возрасте над ним кто-то насмеялся, ведь, может быть, все это было миражом.

Однако между ним и Беяз существовала какая-то невидимая связь. Девушка будто все время звала его в «царство льда». Хотя сама она не появлялась, но звук ее голоса эхом раздавался в голове: «Джавад, где ты?..» Именно по этой причине он решил построить небольшой домик недалеко от Бузлага.

Джавад Амирханлы чуть ли не каждый день навещал органы исполнительной власти и муниципалитет, и каждый раз его там встречали словами: «Этот вопрос находится за пределами нашей компетенции».

Какая-то неведомая сила привела его сюда, на родину предков, и эта сила никак не оставляла его в покое, тянула к вершинам, у подножия одной из которых находилась древняя пещера Бузлаг. Но здесь, на родине, многие не только не понимали его, но и вообще не хотели понимать.

Однажды к нему в гости зашел его дальний родственник, Афраил. Это был высокий, светловолосый, громкоголосый и остроумный человек, прихрамывающий на одну ногу. Когда-то он жил в районном центре, где много лет проработал в системе связи, но затем вернулся в родное село.

Афраил, высказывая свою точку зрения, читал при этом наизусть стихи и приводил в пример мудрые пословицы. Они много и долго разговаривали на разные темы, однако было очевидно, что родственник хотел узнать истинную причину, по которой Джавад Амирханлы собирался поселиться здесь.

– Дорогой брат Джавад! Ты, верно, вышел на пенсию и поэтому решил, так сказать, вернуться в родную деревню, чтобы жить здесь на лоне природы?..

– Какая пенсия, дорогой? У меня еще много дел. Просто я хочу заняться здесь работой и творчеством.

– Здорово, люди едут в город, чтобы заняться наукой там, а ты...

– Я приехал сюда по своему собственному желанию, брат...

Хорошо, что Афраил не стал расспрашивать его о том, какое «внутреннее чувство» привело его сюда и с чем это желание связано.

Взглянув на него исподлобья, Афраил как бы между прочим сказал:

– Дорогой брат, как я слышал, ты хочешь приобрести участок у леса, чтобы построить там дом, создать, как говорится, свой очаг.

Немного замявшись, Джавад Амирханлы ответил:

– Дом – это громко сказано. Просто хочу построить там небольшую лачугу.

– Сейчас все продается и покупается, Джавад. Но, думаю, здесь тебе не дадут ни пяди свободной земли.

– Здесь мне земля не нужна... Я присмотрел для себя небольшой клочок земли недалеко от Бузлага.

– Тогда обратись к руководителям района... Может, благодаря твоей известности и популярности они примут меры, хотя я в этом сомневаюсь.

– Почему ты так думаешь?

– Как я слышал, у этой земли имеется свой владелец.

– А кто он, не знаешь?

– Точно не знаю, кто это. Но знаю, там есть хозяин. Больше я тебе ничего не могу сказать, дорогой брат.

– Выпустил стрелу, не прячь тетиву. Кажется, ты боишься назвать его имя?

– Да, боюсь. А как мне не бояться? Теперь когда говоришь правду, получаешь не конфету, а пулю в лоб, поэтому я и боюсь лишний раз открыть свой рот, боюсь говорить правду. Раньше я ничего не боялся, открыто выступал на различных собраниях, мог даже погрозить пальцем людям, которые мне не нравились, подвергнуть их деятельность критике, сделать замечание. А теперь я боюсь. – Дипломатично уклонившись от ответа, Афраил достал из левого нагрудного кармана пожелтевшую школьную тетрадь и протянул Джаваду: – На вот. Это плоды моего творчества, когда будет время, прочтешь. Может, найдешь то, что можно было бы напечатать. Временами, когда есть свободное время, я переносу на бумагу все, что накопилось у меня в душе. Все это от тоски. Я всегда говорю: не я выбрал тоску, она выбрала меня. Я раб своей тоски, ее слуга. Не будет ее, умру и я.

Джавад Амирханлы взял тетрадь и бросил ее на старый шкаф возле окна.

Афраил встал и протянул ему руку:

– Ну, пока. Сейчас настало время, когда нужно нанять почтальона, чтобы сказанное дошло до слуха. Голова наверху, желудок внизу. Низ должен подчиняться верху. А теперь наоборот, верх подчиняется низу. Раньше говорили, что нужно подумать, чтобы что-то сказать, а теперь надо подумать, сказать или не сказать. Вот такие дела, дорогой брат...

...В конце концов Джаваду Амирханлы ничего не оставалось, как обратиться с просьбой к руководству района. На следующее утро, встав пораньше, он отправился в районный центр. Узнать о том, где именно располагается здание руководства, было делом непростым. На свой вопрос он всегда получал довольно странный ответ:

«Какое руководство?»

«Руководители какого крыла?»

«Какая структура вам нужна, какой отдел?..»

Перед большим многоэтажным зданием желтого цвета, построенном в причудливом архитектурном стиле, его встретил вооруженный полицейский.

– Пожалуйста, я вас слушаю, аксакал...

– Я... У меня здесь дело...

– Какое?

– Хочу приобрести землю.

– В чем же проблема?..

– Мне мешают.

– А кто?

– Не знаю.

– Понятно, значит, пришел жаловаться...

– Нет, я никому не собираюсь жаловаться.

– Хорошо, подойди к тому окну, запиши свои данные и встань в очередь.

Из здания исходил какой-то тяжелый зловонный запах.

Только сейчас он заметил, что перед входом в здание возвышается статуя буйвола, выполненная из желтого гранита, а перед носом быка лежит пучок свежескошенной травы. Душистый запах травы, хоть и немного, приносил с собой аромат свежести и чистоты.

«Кажется, они еще верят в тотемы», – подумал Джавад Амирханлы. Он подошел к окну, на которое указал полицейский. Здесь уже образовалась очередь. Он хотел было вернуться, но сразу же передумал и решил все-таки записаться.

– Кто последний?..

– Я, – откликнулся хриплым голосом бородатый мужчина средних лет.

– Тогда я после вас...

Мужчина смерил его удивленным взглядом:

– После меня стоят еще люди, – сказал он.

Джавад Амирханлы огляделся по сторонам:

– А где они?

Мужчина также огляделся вокруг:

– «Они»? Кто они?

– Те, кто стоит за вами...

– Да, я тебя понял. Многие из них покинули этот мир.

– А кто умер?

– Стоящие в очереди за мной...

Джавад Амирханлы замолчал. Наверное, у этого несчастного не все дома, или же он просто захотел развлечь незнакомца бессмысленной шуткой. Люди с каменным выражением на лицах спокойно наблюдали за ними. Седовласая женщина в черном платке, еле стоящая на ногах, не отводила от него пристального взгляда. Пожилой, чуть сторбленный мужчина в очках, с тростью в руке, покашливая, сказал:

– Я стою здесь еще с начала прошлого века.

Все вокруг слышали, что сказал старик, и Джавад Амирханлы решил, что они сейчас рассмеются. Но никто не смеялся. Бородач, глядя на пожилого мужчину в очках, охрипшим голосом произнес:

– Ты впереди меня всего на пять лет. Между тобой и мной стоят шестьдесят шесть человек. Из них умерли пятьдесят девять, осталось всего семь. Я точно знаю.

Мужчина с тростью в руке, покашливая, ответил:

– Семь – святое число... Дай Бог, в конце концов все образуется.

Мужчина с бородой, воздев руки к небу, воскликнул:

– Конечно, все будет хорошо. Я тоже так думаю. Уверен, что придет и моя очередь. Я доволен вниманием со стороны местных властей. Отчаяние – от дьявола.

Хотя Джавад Амирханлы и предполагал, что все сказанное этими людьми было шуткой, он все же растерялся. У всех на лицах было серьезное, таинственное выражение, и казалось, будто лица их затвердели, превратившись в серые камни. Ему ничего не оставалось, кроме как молчать. Однако стоящие в очереди не только не продвигались вперед, а, казалось, наоборот, старались укрепиться на местах.

... Через два дня он вновь остановился перед тем самым окошком.

Некоторые посетители стояли, другие сидели на старых стульях. Среди них находились и его «старые знакомые».

Седовласая женщина в черном шелковом платке, которую он видел еще два дня назад, медленными шагами подошла к нему и, смерив его долгим внимательным взглядом, тихо сказала:

– Послушай, ты не Джавад Амирханлы?

Он растерялся. Сглотнул слюну. «Интересно, откуда она меня знает?» Запинаясь, он тихо ответил:

– Да, Джавад. Но я не знаю вас...

Женщина, теребя кончик шелкового платка, сказала:

– Когда-то мы вместе учились в университете. Я Алия...

Джавад Амирханлы на мгновение задумался. И действительно, когда-то вместе с ним училась девушка по имени Алия, спокойная, думающая только об учебе студентка. Все годы учебы она почти ни с кем не общалась, в том числе и с Джавадом, и лицо ее почти стерлось из его памяти.

– Алия... Да, вспомнил. Что ты здесь делаешь? Я думал, что ты родом из другой деревни.

– Да, это так. Но я вышла замуж в соседнюю деревню.

– Ну, а где ты работаешь?

– Нигде. Стою в очереди, чтобы получить работу. Сколько лет прошло...

Джавад Амирханлы словно провалился в пустоту. То, о чем говорила женщина сейчас, было продолжением разговора, услышанного им два дня назад; Алиа повторяла все то же самое, о чем тогда говорили мужчины. Может, это не то место, которое ему нужно? Возможно, сюда не приходят нормальные люди. А может, его с Алией отправили сюда намеренно, посчитав умственно отсталыми.

– Сколько у тебя детей, Алиа?

– У меня нет семьи и никогда не было.

Джавад Амирханлы был сбит с толку:

– Как нет семьи?.. Ведь ты же только что сказала, что вышла замуж...

– Это так... Но в день свадьбы моего жениха убило током. Так говорят... В одно мгновение он превратился в головешку прямо во дворе. У моего жениха была одинокая старая мать, за которой я ухаживала многие годы. Несколько лет назад она умерла. С тех пор я безработная... Многие из тех, кто учился вместе со мной, давно уже вышли на пенсию. А я вот уже много лет стою здесь в очереди, чтобы получить работу, хотя прекрасно знаю, что не получу ее... Но все же каждый день прихожу сюда. Обещают когда-нибудь дать мне работу. Так они говорят... А ты что здесь делаешь, Джавад? Разве ты не живешь в городе? Наверное, уже вышел на пенсию? Я знаю, что ты стал большим ученым и тебя знают во всем мире.

«Нет, кажется, с головой у нее все в порядке».

Джавад Амирханлы немного замаялся и процедил сквозь зубы:

– Я не на пенсии... У меня здесь небольшое дело.

Словно боясь чего-то, Алиа тихо сказала:

– А ты какой на очереди?

Джавад Амирханлы растерялся. Что он мог ей ответить? Он и сам не знал, стоит ли в очереди или нет.

– Очередь? Нет, я прихожу сюда во второй раз. Сначала ознакомлюсь с ситуацией, затем займу очередь.

– Я могу уступить тебе свою очередь.

– Нет, спасибо... Не беспокойся.

– Может, и всей моей жизни не хватит... Я знаю, что они не дадут мне работу, и даже знаю, почему. Но не спрашивай меня ни о чем. Я здесь просто из принципа...

– Ты поступаешь правильно, Алиа. Так и надо. Человек должен всегда и везде бороться за свои права.

Женщина вновь тихо произнесла:

– Чтобы записаться в эту очередь, нужно занять другую.

Джавад Амирханлы пожал плечами:

– Не понял...

– Здесь нет ничего непонятного... Чтобы записаться в эту очередь, ты должен встать в очередь вон у того окна. Идем, я тебе покажу.

Женщина прошла вперед. Джавад Амирханлы поплелся следом за ней. В окне он увидел мужчину, лицо которого было испещрено глубокими морщинами:

– Слушаю вас...

Алиа быстро проговорила:

– Это Джавад Амирханлы, известный ученый. Наверное, ты слышал о нем. Ему нужно занять очередь, чтобы встать в очередь.

Мужчина грубым тоном потребовал документы.

Джавад Амирханлы растерялся:

– Какие документы?

Тогда мужчина обратился к женщине:

– Ты ему объясни, какие здесь нужны документы.

– Хорошо, объясню, – живо ответила она.

Когда они отошли в сторону, он вопросительно поглядел на Алию.

– Ну вот, теперь иди и начинай собирать документы, – сказала она, смерив его внимательным взглядом.

– Какие документы?

– Сначала ты должен отправиться в сумасшедший дом.

– ?

– Ты, наверное, удивлен...

– Но я ведь не получаю водительские права...

– Вот они и говорят...

– Что?

– Чтобы получить обычные водительские права, говорят они, нужно принести справку из сумасшедшего дома... А это учреждение государственное... Вдруг у кого-нибудь из стоящих здесь в очереди не все в порядке с головой, и он кого-нибудь убьет. Кто будет нести за это ответственность?..

– Понимаю... Значит, мне придется пойти в сумасшедший дом?

– Да. Он находится здесь недалеко, на другой стороне здания. Но только один туда не ходи... Знаешь, почему? Вдруг они на самом деле примут тебя за душевнобольного и поместят в сумасшедший дом. Так как по количеству душевнобольных наш район занимает в стране одно из последних мест, нашему районному руководству делают сверху замечания. Однако по числу смертей мы, например, занимаем одно из первых мест. Я, как математик, веду статистику смертности. Просто так, для себя. Так вот. Так как по количеству психически нездоровых людей мы отстаем от остальных районов, власти стремятся вывести нас на первое место и тут. Когда отправишься в психушку, возьми с собой надежного человека, чтобы он мог поручиться за тебя. Я могла бы поручиться, но боюсь. Знаешь, почему? Не знаешь? Во-первых, я боюсь, что меня, приняв за ненормальную, также поместят в сумасшедший дом. Во-вторых, это может запятнать мое честное имя. Я не замужем, и до сих пор у меня была хорошая репутация. Наш народ любит посплетничать. Увидев меня в компании с тобой, люди подумают: что может быть общего между огнем и ватой? Ведь здесь плохо смотрят на общение между мужчиной и женщиной. Прости, Джавад...

– Тогда что мне делать, где найти того, кто сможет за меня поручиться?

Немного подумав, Алия посоветовала:

– Сунешь деньги в карман стоящему у двери белому халату, и все будет сделано. Уж очень они жадны до денег, ведь им наплевать на честь и совесть.

Покачав головой, Джавад Амирханлы отправился в сторону, куда ему указала Алия. У двери его встретил толстый, непонятного пола человек с гладким, без единой морщинки лицом и мясистыми, чуть приоткрытыми губами. Достав из кармана деньги, Джавад Амирханлы сунул их в руку непонятному ему существу. Человек тут же спрятал деньги в нагрудный карман халата и вынул оттуда белый лист бумаги. Затем толстым указательным пальцем руки указал ему на одно из открытых окон.

Вернувшись обратно, он подошел к указанному окну и сунул туда бумагу. Из окна ему передали бумагу желтого цвета. Она была совершенно чистой. В это время к нему подошла Алия и, выхватив из рук бумагу, стала внимательно ее разглядывать, затем поднесла к носу, будто хотела понюхать. Через секунду лицо ее просияло.

– Тебя записали в эту очередь, чтобы встать в другую.

«Что все это значит, – подумал Джавад Амирханлы, – разве бывает такая очередь?» Все это напоминало ему ситуации, описанные в комических и абсурдных произведениях литературы.

Живя в деревне, он все ближе знакомился с происходящими здесь событиями. Порою ему было трудно понять, что происходило в городе. Но здесь...

Судя по всему, весь этот огромный мир с его разнообразными красками возможно увидеть лишь в небольшой среде.

...Наступил вечер. На землю тихо опустилась тьма, которая укрыла все вокруг черным бархатным покрывалом, под которым можно было бы спокойно спрятаться.

Все чего-то ждали, но только чего, никто не знал. Лица людей были похожи на серые камни. Джаваду Амирханлы казалось, что ноги его стали уходить глубоко в землю, точнее, в глубокую трясину. Он пытался вытащить себя из этого невидимого болота, но кто-то упорно тянул его вниз.

Было уже поздно, когда он отправился домой. По дороге, махнув рукой, он остановил одну из проезжающих мимо грузовых машин. Машина с ревом остановилась. Водитель был родом из деревни Чапарлыг и хорошо знал своего знаменитого земляка, но в кабине места не было: там сидела женщина с ребенком на руках. Шоферу было неудобно оставить на дороге столь знаменитого земляка, но пригласить его сесть в кузов машины он не решался. Так или иначе, Джаваду Амирханлы удалось убедить шофера, и, пыхтя и охая, он с трудом забрался в кузов, где перевозили кур в картонных ящиках. Временами головы домашних птиц вылезали из круглых отверстий, проделанных в ящиках; заметив человека, птицы хором закудахтали.

Наконец они добрались до деревни. Темнота, широко раскрыв крылья, словно шепотом пела свою колыбельную песню. Деревня погрузилась в сонное плавание.

...Если он и заметил некоторые изменения в своем характере, то точно не мог понять причину этих изменений. Что же с ним случилось? В последнее время он явно начал жить другой, новой жизнью; будто лодка, долгое время спокойно плывшая по течению узкой реки, теперь плыла против течения. Лодка, качаясь из стороны в сторону, часто теряла равновесие, и казалось, что у нее нет возможности повернуть назад, потому что она была длинной, а река узкой. Лодка могла плыть лишь в одну сторону, по заранее определенному направлению. Хотя ей и трудно было плыть против течения, упрямый лодочник не хотел отказываться от своих намерений.

Руководители научного центра, где работал Джавад Амирханлы, закрывали глаза на все странности, появившиеся в его поведении и характере в последнее время. Ну что они могли посоветовать человеку, который всю жизнь посвятил науке? Никто уже и не верил, что этот уже далеко не молодой ученый сможет написать какой-либо значительный труд. Все уже было написано и сделано. Многие его труды опубликованы за рубежом, он неоднократно выступал на международных конференциях и был удостоен ряда престижных наград и премий. В лаборатории, которой он руководил, работали, в основном, его бывшие ученики. И они тоже закрывали глаза на странное поведение и поступки своего руководителя.

Джавад Амирханлы жил в своем собственном мире. Он верил, что у него осталось еще много незавершенной работы. Внутренний голос шептал ему, что впереди его ждут великие открытия. В последние месяцы голоса эти становились все громче. Теперь же появились и обладатели самих голосов. Правда, он встретился лишь с одним из них, однако был уверен, что найдет, наконец, ответы на многие вопросы, так долго мучившие его. Встречи с Беяз уносили пожилого мужчину в иной, неведомый ему мир. Он ждал этой встречи почти всю свою жизнь. И каждый раз, когда девушка исчезала, предавался фантастическим, далеким от реальности мечтам.

Джавад Амирханлы был выдающимся ученым и имел вес в науке. Он был известен как автор целого ряда научных идей. Выдвинутые им идеи вызывали ожесточенные дискуссии среди ученых. Многие из них критиковали его, обвиняя во лжи. Некоторые даже издевались

над ним за глаза и при каждом удобном случае, подмигивая друг другу, с усмешкой говорили: «Он совсем постарел, несет всякий бред».

Основная идея, выдвинутая ученым, состояла в том, что он считал вполне вероятным лечение серьезных заболеваний на расстоянии. Нет, здесь не имелось в виду «лечение» с помощью экстрасенсов и шаманов, речь шла о реальном методе лечения. Джавад Амирханлы считал, что скоро можно будет не только лечить людей на расстоянии, но и заряжать их биологической энергией. Это будет несколько похоже на загрузку информации в мобильные телефоны. Однако каким образом материализовать эту энергию? Ведь в телефоне заранее размещен конкретный механический код, имеются карта памяти и механическая энергия. А как же у людей? Вероятно, в будущем придется размещать датчики в органах людей.

Многие годы ученого волновал вопрос о перемещении людей, равно как и всех живых существ, из одного места в другое в виде мельчайших частиц. Ведь если с помощью техники можно передавать на большие расстояния изображения на бумаге или снятые на ленту кадры, то почему же невозможно передавать живые клетки?

На протяжении многих лет Джавада Амирханлы интересовал и другой вопрос. Наступление компьютерных технологий во всех сферах общества ещё больше окрыляло его фантазию. Он готов был погрузиться в глубины идей, недоступных простому разуму. Если какая-либо информация может быть загружена в память компьютера, а затем перенесена на бумагу и ленту, то применение данного процесса по отношению к человеческому мозгу не могло оставаться просто фантазией. Вполне реально, что эта идея в скором времени может быть осуществлена и, возможно, автором этой идеи, а точнее, реализуемой фантазии, будет сам Джавад Амирханлы.

Да, в последнее время его, как специалиста, больше интересовала природа человеческого мозга.

Мозг является источником сознания. Это известно даже рядовому обывателю. Однако ученого больше занимали факторы, составляющие это сознание. Мозг – оболочка сознания. Но интересно, может ли существовать сознание вне этой оболочки? Возможно ли добиться развития сознания вне сферы человеческого мозга, в какой-либо неизвестной зоне либо таинственном пространстве? Изучение скрытых возможностей мозга и применение их на практике означало бы новый этап в современной науке.

Пытаясь найти способ, при помощи которого возможно было бы передавать информацию на любые расстояния, Джавад Амирханлы верил, что настанет день, когда информацию, заложенную в мозге человека, можно будет скопировать и перенести на ленту. Да-да, когда-нибудь, возможно, так оно и будет. Это будет похоже на действие рядового оператора, переносящего на диск, дискету либо карту памяти информацию из компьютера. Однако этот процесс, с первого взгляда казавшийся столь несложным и понятным, будет далеко не простым.

Джавад Амирханлы превосходно изучил мозговой аппарат человека. Ему было известно, что в коре головного мозга находится около ста миллиардов нервных клеток. Каждый нейрон он считал за звезду и не сомневался, что между звездами на небе и «звездами» в коре головного мозга имеется какая-то связь. По примерным подсчетам астрономов, количество звезд во Вселенной в два раза больше количества «звезд» в коре головного мозга, то есть, их примерно около двухсот миллиардов. Джавад Амирханлы относился к этим подсчетам скептически. В конце концов он пришёл к следующему выводу: количество нейронов в мозге человека должно совпадать с количеством звёзд во Вселенной, то есть количество в обоих мирах должно составлять величину в сто миллиардов. Исходя из этой логики, он полагал, что число людей, проживающих на земле, может возрасти в десять раз; вернее, для проживания здесь ста миллиардов людей имеются все природные условия и возможности.

Почему же он так думал? Ученый не случайно пришёл к выводу, что имеются неограниченные связи между: а) человеческим мозгом, б) человеческим потомством, составляющим это общество и с) Вселенной, отражающей в себе бесконечность. Он выдвинул идею существова-

ния данных связей в различных плоскостях и пространствах, исходя из собственной конкретной экономики и анализа. Человеческий мозг обладает системой, гармонирующей с «мозгом» Вселенной, то есть в каждом мозге мигает столько же «звёзд», сколько и во Вселенной. Каждая звезда является нейроном, а каждый нейрон – звездой. Таким образом, количество нейронов в мозге человека, количество людей в мире и количество звёзд во Вселенной является абсолютно одинаковым; этот мир вовсе не состоит из бессистемного хаоса, как полагают многие; во Вселенной присутствуют нерушимая гармония и порядок, и, вполне вероятно, что главной задачей человека является осознание этой закономерности.

Джавад Амирханлы уверял, что мозг человека состоит не только из обыкновенной материи и плоти. Мозг является как бы площадкой, где пространство и время существуют совместно. В мире существует множество предметов и феноменов, оживляющих пространство. Все, начиная от мелких песчинок и заканчивая огромными планетами, своим существованием представляют это пространство. Однако существование времени является несколько иным; в этом мире, даже во всей Вселенной, единственным феноменом, выражающим существование Вселенной, является человеческий мозг, вернее, человеческая память. Если память отсутствует, то как можно говорить о времени? Память является вместилищем времени. Мозг похож на взлётную полосу, и все мысли, а также память, возникают именно там. Вполне вероятно, что это является идеалистичным, а также субъективным взглядом, далёким от практической науки; однако Джавад Амирханлы не желал отступить от своей позиции. Он полагал, что, несмотря на то, что мозг является единственной сферой, где пересекаются пространство и время, здесь протекают противоречивые процессы, ещё не известные науке, так же, как и то, что человеческий мозг, как определённая модель, отображает в себе не только признаки планеты Земля, но и признаки Вселенной и Галактики. Все планеты на самом деле являются уменьшенной копией человеческого мозга.

В уме и памяти живут, по крайней мере, все принадлежащие природе признаки и качества. Чего там только нет – в человеческом мозгу, точнее, в человеческой памяти: горы и долины, океаны и пустыни, скалы и пещеры; там дуют ветры и гремят грозы, шумят реки и моря, сверкают молнии. Всё это – вечная информация, передаваемая людьми из поколения в поколение. Когда люди становятся старше, эта закодированная, скрытая информация постепенно выходит на поверхность, побуждая людей к тем или иным действиям. Этим подстрекающим данным в памяти присуще непостоянство, как стрелке компаса; некоторые из них побуждают человека служить добру, другие – злу. Именно по этой причине грань между становлением человека героем или преступником очень тонка, тоньше бумаги. Это несколько похоже на то, в чьих руках находится острый нож: в руках преступника нож может оборвать чью-то жизнь, но в руках хирурга, спасающего чью-то жизнь, он может совершить чудо.

От человека часто не зависит, в какой «лагерь» он попадет; там, где царствует зло, люди, как правило, идут вперед, перешагивая через других и разрушая все на своем пути; но там, где преобладает добро, люди думают о том, как бы сделать побольше добра.

Мозг нормального человека имеет врожденную способность к анализу и синтезу, именно поэтому ученый верил в возможность копирования человеческой памяти. Он считал, что наступило время, когда с помощью современных технологий можно будет переносить человеческую память на диски. Это будет похоже на передачу записей и информации с памяти компьютера на диски, что является очевидным и простым процессом для каждого современного человека. Но каким же образом можно внедриться в такой сложный орган, как мозг человека, как получить имеющуюся в нём бесконечную информацию, какими техническими методами перенести эти данные на искусственный аппарат памяти? Одним словом, как материализовать данные, имеющиеся в мозгу?

Хотя ученый пока что разрабатывал лишь теоретические основы переноса глобальных данных памяти на карту памяти механическим способом, но он ни на секунду не сомневался

в достижении практического решения данного процесса. Однако «материализация памяти», с другой стороны, могла бы привести к непредсказуемым последствиям. Каким бы это ни было величайшим открытием, его ужасные последствия возможно вообразить и сейчас.

К какой несовершенной стадии могло бы привести людей и в целом все человечество это открытие, и что могло произойти за это время? Дело в том, что человеческая память не носит механического либо статического характера, она действует как логическая система биологических и социальных отношений. Не существует человека за пределами памяти, так же, как не существует памяти вне человека.

Что же в таком случае передача памяти могла бы дать людям? Как бы восприняли это открытие те, кто постоянно помышляет о причинении кому-то вреда? О том, чтобы подставить ножку ближнему или же устроить ему ловушку?

После получения «копии памяти» или же, другими словами, её «электронной версии» станет известна вся подноготная каждого индивидуума. И тогда как в открытой книге будут раскрыты страшные планы, которые преступники вынашивали в голове в течение многих лет, зависть и ловушки коварных друзей, построенные на обмане отношения супругов. И сколько ещё обманов, имитированных под правду, разрушили бы эти дискеты. Сколько было бы выявлено измен, скрытых под маской любви. Раскрылись бы взаимные волчьи чувства людей, называющих себя друзьями.

Новое открытие раскрыло бы тайные намерения глав государств и политических деятелей, которые хотят видеть людей не в качестве личностей, а в качестве рабов. Выявление секретов памяти будет чем-то похоже на выяснение правды из «чёрного ящика» самолёта, попавшего в катастрофу...

И, наконец, человеку, погрязшему в болоте лжи и фальсификаций, останется совсем немного, чтобы вырваться в свободную среду.

Тогда станет ясным, что представляет собой каждый человек, и Джавад Амирханлы, как ученый, искренне верил в это.

Однако в глубине души он был несколько встревожен: если однажды он сможет реализовать свои теоретические гипотезы, то и в его личной жизни может произойти трагедия. Ведь это открытие нанесет смертельный удар по всякого рода фальсификациям. Волей-неволей, и ему придется вспомнить отношения со своей женой Атигой, которые за последнее время перешли в новую «плоскость». Эти отношения были не такими уж ровными, как казалось на первый взгляд. Так или иначе, Джавад Амирханлы играл роль, выказывая «искреннюю любовь» к тяжелобольной жене, что было также своего рода фальсификацией. Он уже давно не испытывал к ней прежних чувств. В его сердце поселилось иное чувство – чувство милосердия. Теперь он не любил, а просто жалел ее. И если однажды все его тайные желания и мысли будут перенесены на ленту и попадут в руки жены, то жизнь его перевернется с ног на голову. Со всеми своими тайными желаниями и мечтами он будет выглядеть в ее глазах полным ничтожеством, и это самое меньшее, что может с ним произойти.

«Не думайте о плохом, потому что однажды ваши мрачные мысли станут реальностью.

Не раскрывайте объятия лжи, ибо однажды ложь, словно змея, опутает вас с ног до головы.

Знайте, что совершенные вами преступления однажды будут прочитаны на вашем лице.

И все это произойдет до так называемого Судного дня».

Мысли, приходящие ему на ум, он часто произносил громко, чуть ли не крича. Он хотел, чтобы люди слышали его, но все это слышал лишь он один. Не только простые обыватели, но и коллеги не понимали и не хотели понимать его. Когда-то в их глазах он был талантливым ученым, сейчас же они считали его маргиналом, постепенно сходящим с ума, кем-то вроде

юродивого. Однако некоторые коллеги, работающие с ним в одной лаборатории, любили и уважали его.

На самом деле и отношение Джавада Амирханлы к своим коллегам было далеко не однозначным. В последние годы он стал свидетелем того, как в научной среде, словно полчища насекомых, расплодились бездарные и нахальные люди, желающие любыми способами получить ученую степень. В большинстве случаев это были высокопоставленные чиновники, часто использовавшие едва сводящих концы с концами ученых, которые за денежное вознаграждение писали за них увесистые диссертации и научные статьи.

Джавад Амирханлы знал, что у каждой научной работы есть своя определенная «цена», и относился к этому крайне отрицательно. Но бороться с людьми, занимающими высокие посты в государстве, обладающими властью и порою имеющими в кармане мандат депутата, считал делом бесполезным; для них писали диссертации уже не отдельные представители науки, а целая армия ученых, среди которых было немало и его бывших учеников. Прежде он выражал резкий протест против такого рода деятельности, но впоследствии, поняв всю бессмысленность этой борьбы, предпочел молчать. Истинные ученые писали за чиновников научные труды и статьи. Имён в науке становилось все больше, а она топталась на месте и не развивалась. Аппетит чиновников все возрастал; не ограничиваясь лишь учеными степенями, они требовали все больше и больше орденов, медалей и почётных званий. Наука попала в положение вымирающих динозавров, и теперь лженаука участвовала в похоронах истинной науки.

Хотя ученый и оплакивал науку, он по-прежнему не собирался сворачивать с избранного пути. Но, похоже, этот путь уносил его в какой-то неизвестный, загадочный мир. Каждый день, каждый час Джавад Амирханлы вел внутренний монолог с самим собой. Здесь, в деревне, вдали от суеты и шума, он восстанавливал свои силы и энергию, потерянные в городе. Здесь он планировал заново построить свою жизнь.

Живя в старом, полуразвалившемся доме, он радовался тому, что теперь не слышит и не видит расплодившихся в последнее время, словно грибы после дождя, высокомерных политиков и болтливых ученых, преподающих всем уроки нравственности, писателей и поэтов, закрывающих на все глаза и воспевающих власть предрержащих, певцов и актеров, ведущих безнравственный образ жизни и создающих новые семьи чуть ли не каждый день, физиономии невежественных и продажных чиновников, имеющих высокопоставленных покровителей. А дело было в том, что в его доме не было ни радио, ни телевизора.

...Он встал, быстро оделся и вышел во двор. Поглядел вдаль. Ему показалось, что кто-то оттуда, с гор, зовет его. Бог знает, может, это был его собственный голос. Ему вдруг страстно захотелось подняться на вершины гор, побродить по долинам и ущельям, побывать в пещере Бузлаг, посетить места, где он еще не был.

Как только солнце золотыми красками начало разрисовывать горизонт, он уже был возле леса. Быстрыми шагами он перешел овраг, взял направление к вершине горы, шел, сам удивляясь своей ловкости и силе. Временами он останавливался, чтобы полюбоваться окружающим его великолепным пейзажем.

Откуда-то доносились заунывные протяжные звуки. Это журчала вода. Затем он уловил знакомый запах – запах воды. «Боже, – подумал он, – вода не только звучит, но и имеет запах». Наклонившись, он жадно стал пить воду из ручья; увидев в воде знакомое отражение седого, уже немолодого человека, невольно ужаснулся. Он вспомнил, как когда-то давно пил воду из этого источника, и тогда с зеркальной поверхности воды на него глядел молодой, жизнерадостный парень. Вода, несмотря ни на что, мирно продолжала свое течение, давно уже позабыв о нем.

«Ты, наверное, уже не помнишь меня, ручей. Правда, я тоже забыл о тебе и только сейчас вспомнил, что ты существуешь. Меня не узнает даже дерево, стоящее над тобой, словно

стражник. Оно также забыло о прошлом, как и скалы вокруг, как и облака, задевающие вершины этих скал. Я чувствую себя здесь одиноким и никому не нужным. Нет, я не упрекаю ни тебя, ни это дерево, ни эти облака и скалы в том, что вы не помните меня, ведь наши встречи были мимолетны. Я уехал отсюда, еще будучи подростком. Сколько же лет прошло...

Когда-то, покинув эти места, я стал жить другой жизнью. Когда человек молод, ему все интересно, жизнь кажется удивительной и прекрасной. И порою даже тяжелые трагедии воспринимаются им как что-то таинственное и прекрасное. Но проходят годы, большая часть жизни уже осталась позади, и человек начинает смотреть на жизнь другими глазами. И тогда даже самые прекрасные мгновения не могут согреть его душу, он начинает понимать, что жизнь драматична хотя бы потому, что кончается смертью. И чтобы как-то утешить себя, люди придумали торжества и праздники.

Долгие годы я жил вдали от этих гор, деревьев и источников. И даже облака, плывущие сейчас по небу, отличаются от тех, которые я видел раньше. Нет, я не утверждаю, что все, что видел и чувствовал человек раньше, кажется ему более привлекательным и прекрасным. Мне просто кажется, что в каждом возрасте человек смотрит на вещи, окружающие его, по-разному. Время меняет многое и даже, возможно, все вокруг. Теперь мир мне представляется более загадочным, чем прежде. А что же люди?.. Больше всего меня огорчает то, что многие из них невежественны, они не прилагают ни малейших усилий для того, чтобы постигнуть смысл своей жизни. Конечно, я знаю, что порою невозможно понять даже самые заурядные события, происходящие в мире. Но почему бы не постараться, как считаешь?

Я всегда хотел быть таким же прозрачным и чистым, как ты, родник. Я хотел бы вливаться в сердца людей, как твои мелодии, родник. Но ты существуешь вот уже тысячи лет, оживляя собой природу, а моя жизнь, как мне кажется, до сих пор была пустой и никчемной».

Прозрачный, как слеза, ручей, словно услышав его, заговорил: «Твоя жизнь была не напрасной, Джавад. Ты всегда был прозрачным и чистым, как вода. Твоя светлая, прекрасная душа привела тебя сюда. Я долго ждал тебя, Джавад. Ждали тебя и эти горы, которые ты видел во сне. Многие годы они наблюдали за тобой, росли вместе с тобой, гордились твоими успехами. Ты опора для них, а они для тебя. Пока существуют горы и я, будешь существовать и ты. Почему ты горюешь, Джавад? Пусть мои мелодии всегда звучат в тебе. И в этих мелодиях ты почувствуешь величие и бессмертие земли и неба. Эй, ты слышишь меня, Джавад?»

Джавад Амирханлы ясно слышал жалобный голос ручья, мирно текущего вдоль луга. Он был уверен, что и ручей слышит его. Ему казалось, будто он шагнул в далекое прошлое. Трогнутый до глубины души, он поприветствовал деревья, травы и камни, и они с шумом ответили на его приветствие. Человек слышал природу, а она его. Он словно слился с ней, стал ее частью.

Когда он взобрался наверх, солнце уже стояло посередине неба.

...Пещера находилась где-то поблизости, был уверен он. Воспоминания из детства, и то, о чем ему недавно рассказала Бяз, должны были привести его прямо на «место действия». Порою его охватывал страх, но у него не возникало ни малейшего желания повернуть назад.

На небе появились облака. Задевая друг друга, они неслись по небу, словно куда-то спешили.

Чувства, сжигающие его изнутри, да облака, плывущие по небу, привели его к пещере. Он и сам не понял, как по извилистым тропам смог взобраться на вершину горы, окруженную высокими острыми скалами. Здесь находилась пещера, которую в последнее время он видел во сне... Бузлаг...

Вокруг было таинственно тихо.

Сидя на одной из скал, Джавад Амирханлы прислушивался к тишине. Однако птицы, временами пролетающие над его головой, а также ящерицы, снующие по серым камням, словно вырывали его из мертвой тишины и возвращали в шумный мир. Он огляделся по сторо-

нам. Место это находилось довольно далеко от деревни, и вокруг не было ни единой души. Внизу расстился густо-зеленый ковер леса, за ним раскинулась широкая долина. Затем вновь тянулся огромный темный лес и широкий зеленый луг. Он взглянул вверх и увидел над собой бескрайнее синее небо.

Солнце еще не успело закатиться за горизонт.

Нагнувшись, Джавад Амирханлы, сам не зная почему, приложил ухо к холодной серо-мшистой скале. Прислушавшись, он будто ясно услышал шум большого многолюдного города. «Может, все это мне кажется?» – думал он, оставаясь в таком положении еще некоторое время. Гул, идущий из-под холодных тяжелых скал, постепенно превращался в старинную, знакомую ему мелодию. И он крепко заснул под эту мелодию, такую родную ему и близкую, продолжая слышать ее во сне. Под тяжелый ритм музыки шли люди с медным цветом кожи, с проступающим на лбу потом, погоняя крепких и сильных буйволов на недавно вспаханные и засеянные поля. Картина эта была хорошо знакома ему еще с детства. И даже музыка, которая звучала сейчас, еще тогда прочно укоренилась в его памяти. Вскоре буйволы, встав на задние ноги, стали танцевать, как люди. Рога их, касаясь друг друга, разбрасывали вокруг искры.

Когда он открыл глаза, было уже темно. Он и не заметил, как зашло солнце. Было очень холодно. Вдали сверкнула молния. Временами огненные, сверкающие в небе поперечные полосы озаряли все вокруг ярким светом. Внезапно он вспомнил свой недавний сон; танцующие буйволы, разбрасывающие вокруг искры, теперь словно переместились в небо. Ему стало холодно, и он решил вернуться в деревню. В этих местах водились хищники, о которых он слышал еще в детстве, и нужно было торопиться. Еще немного, и ему будет трудно найти дорогу.

Пещера теперь стала похожа на дракона, который появился среди скал, словно из страшных сказок, и злобно скрежетал зубами. Вскоре ему послышался чей-то голос. Остановившись, он внимательно прислушался. Кто-то издали окликнул его по имени. Постепенно голос стал приближаться.

Сначала послышался гул. Затем раздались шорох и приглушенный топот ног. И в это мгновение во тьме что-то сверкнуло, похожее на светлячка.

Взошла луна. Внезапно он заметил, как от луны словно отломился кусок и упал на землю. Мужчина невольно закрыл глаза. Может, он еще не проснулся, и все это является сном во сне. Однако в том, что на небе взошла луна, у него не было никаких сомнений.

...Открыв глаза, он чуть не вскрикнул от удивления: перед ним, словно белое изваяние, стояла Беяз и внимательно наблюдала за ним. При свете луны лицо ее было особенно таинственным и прекрасным.

Девушка, как и раньше, возникла из ниоткуда. Но теперь она предстала перед ним не на балконе его квартиры, а на одной из скал. В руках она по-прежнему держала серебряную веточку.

– Здравствуй, Джавад-бей... – тихо произнесла она.

– Здравствуй...

– Я знала, что рано или поздно ты придешь сюда, – сказала она, а затем спросила: – Ты не устал, Джавад-бей?

– Нет...

Они еще долго молча глядели друг на друга. Беяз смотрела на него с загадочным выражением лица, будто хотела о чем-то спросить... На ее безмолвные вопросы он отвечал молчанием. Мужчина чувствовал, что сейчас ему предстоит знакомство с каким-то удивительным, таинственным миром, о котором никто не должен был знать. Язык не имеет права разбалтывать то, что видят глаза. Конечно, язык дан человеку для того, чтобы говорить правду. Однако часто трагедии возникают тогда, когда на поверхность всплывает не ложь, а именно правда. Истина должна стать известна лишь тогда, когда придет ее время. А иначе она подобна не вовремя

прокукарекавшему петуху. Ведь всем известна дальнейшая участь такого петуха... Не следует торопиться, надо терпеливо выждать момент, чтобы сказать правду.

Будучи нетерпеливым по своей натуре, сейчас Джавад Амирханлы упорно молчал, находясь под пристальным и таинственным взглядом девушки. Этим он давал ей понять, что ни о чем не собирается ее расспрашивать. Кажется, Беяз хорошо понимала его. На серьезном лице девушки появилась светлая улыбка.

Стояла пасмурная погода, и было трудно понять, утро сейчас или вечер. Вокруг щебетали птицы и прыгала саранча.

Девушка, взглядом приглашая его следовать за ней, уверенно прошла вперед. Он покорно последовал за ней. Теперь они понимали друг друга без слов.

Словно дракон, пещера раскрыла перед ними свою огромную пасть.

Остановившись у входа, Беяз осторожно осмотрелась, затем, глядя на серое небо, стала что-то шептать про себя, словно молилась. Джавад Амирханлы в нерешительности застыл на месте. Будто почувствовав это, девушка холодным, решительным взглядом снова приказала ему идти следом за ней. И ему ничего не оставалось, как выполнить ее приказ.

Веточка в руках девушки вначале излучала тусклый свет, затем постепенно стала разгораться и, словно превратившись в яркий факел, осветила все вокруг.

Но, несмотря на яркий свет, впереди их ждала глубокая страшная пропасть, напоминающая огромный котел, крышку которого открыли и отбросили куда-то в сторону; и туда, в эту черную дыру, одновременно могли проникнуть несколько человек.

– Мы должны спуститься вниз, Джавад-бей. Бузлаг находится там, в глубине этой пропасти, но надо быть осторожнее.

«Значит, люди из близлежащих деревень, чтобы добыть лед, спускались именно сюда», – подумал он.

На одном из выступов скалы, похожих на большие сосульки, висела прочная веревка.

– Джавад-бей, – сказала Беяз, – видишь ту веревку, привязанную одним концом к выступу скалы, крепче обвяжись другим ее концом вокруг пояса. По-другому спуститься в пещеру невозможно.

«Интересно, а как же спустится в эту глубокую пещеру сама Беяз?»

Девушка, как будто прочитав его мысли, тихо сказала:

– За меня не беспокойся, Джавад-бей, потихоньку спускайся вниз. Да, не забудь развести руки в стороны, чтобы сохранить равновесие.

«Что же мне теперь делать? – испугался он. – Как же я спущусь вниз...»

Девушка тут же пришла ему на помощь:

– Я буду постепенно спускать тебя, когда веревка провиснет, я пойму, что ты добрался до цели. Затем скажу, что делать дальше. Ну, живо, Джавад-бей.

Обвязавшись веревкой вокруг пояса, Джавад Амирханлы подошел к пещере и посмотрел вниз. От страха у него закружилась голова и потемнело в глазах.

Опустив туда ноги, он махнул рукой. Девушка, нагнувшись, крепко пожала ему руку и отошла в сторону. Затем ослабила веревку, и он, согласно ее инструкции, развел руки в стороны и стал спускаться медленно вниз, нащупывая ногами выступы в стенах пещеры. Порою, встречая на своем пути небольшие углубления, он осторожно вставлял туда носки ног, чтобы немного передохнуть. Его разведенные в стороны руки то и дело касались льда, и несколько раз он, чтобы утолить жажду, прикладывал к сухим губам лед, приставший к ладоням.

Когда его ноги коснулись твердой поверхности, он немного успокоился.

Внезапно голос Беяз будто эхом отозвался в пустоте:

– Не развязывай пока веревку, Джавад-бей. Иди направо. Да, вот так. А теперь спустись немного по лестнице.

Однако это «немного» оказалось не так уж близко.

Он не смог точно определить, какое расстояние уже преодолел. Ему казалось, будто его ноги пригвоздили к полу. И в этот момент вновь перед ним появилась Беяз. Он удивился: «Как же она добралась сюда? Скорее всего, каким-то другим, более коротким путем...»

Он не мог понять, на чем стоит, на холодном граните или на ледяном полу.

Частички света, отражаясь на гладких ледяных стенах пещеры, мерцали, словно светлячки.

«Зачем она привела меня сюда и с какой целью? – думал он. – Хорошо, допустим, что она живет в этой пещере, но что здесь делаю я? Кажется, мы еще не добрались до цели, ведь она говорила: „Потом скажу, что тебе делать дальше“. Что скажет, когда скажет? Я, кажется, попал в другое измерение...» Лицо девушки стало видно совершенно отчетливо. «Интересно, откуда сюда проникает свет? – продолжал размышлять он, – ведь здесь, как в могиле, все наглухо закрыто».

– Джавад-бей, ваши люди добывали лед вон там и доставляли больным людям, – указала она рукой наверх. – Он бывает там круглый год и даже в середине лета. Это верхний слой льда.

– А здесь?.. – спросил он ее.

Девушка улыбнулась:

– Сейчас мы находимся на среднем слое льда.

– А что же находится внизу?

– Внизу находится нижний слой льда. Не волнуйся, мы и туда спустимся.

Джавад Амирханлы вдруг задрожал, словно внутри него подул резкий ледяной ветер.

– Теперь мы должны пройти немного вперед, – приказным тоном сказала она, и он молча последовал за ней.

Свет, освещающий, словно прожектором, лицо Беяз, внезапно исчез, и пещера погрузилась во тьму. Он остановился, не осмеливаясь идти дальше.

– Джавад-бей, не двигайся с места, сейчас вокруг твоего пояса обвяжется веревка... – раздался из темноты голос девушки.

– Но я ничего не вижу.

– Ничего. Зато я вижу тебя. Подними руки.

Джавад Амирханлы автоматически развел руки в стороны, затем поднял вверх.

Вдруг девушка громко засвистела, будто окликая кого-то. Издаваемые ею звуки были похожи на крики дикой птицы. Вблизи послышался какой-то шорох.

Чувствуя на теле холод от прикосновения холодной, как лед, веревки, он не решался спросить девушку о том, что ему делать дальше. Хотя в темноте веревки было почти не видно, она изредка мерцала, словно ее покрыли фосфором. Возможно, с помощью этой прочной веревки переносили на большие расстояния тяжелые грузы.

Веревка, которая сама по себе обвилась вокруг его пояса, постепенно стала набухать, словно толстая кишка животного. Чем дальше, тем плотнее она сжималась вокруг талии, а затем обмотала его с ног до груди. Теперь он не мог даже пошевелиться. Мужчина был уверен, что девушка была здесь ни при чем. Однако чьи-то невидимые руки, прочно связав веревкой, пытались вырвать его, словно дерево, с корнем, и перенести подальше от этих мест.

В темноте вновь раздался дикий свист. Несомненно, это был еще один сигнал, данный кому-то Беяз.

Внезапно веревка зашевелилась и, медленно разматываясь, стала тянуть его дальше вниз, в черную бездонную пропасть. У него не было сил ни сопротивляться, ни о чем-либо думать. Находясь в невесомости, он чувствовал, как веревка постепенно разматывается. Стало страшно, казалось, что он падает в огромную зияющую пустоту. Через некоторое время он немного успокоился, но все же боялся, что конец веревки вот-вот закончится, и он, так и не достигнув цели, кувырком полетит на дно пропасти. И тогда никто не сможет помочь ему выбраться из этого кромешного ада.

От Беяз не было никаких вестей.

Джаваду Амирханлы вновь стало страшно. Крепко ухватившись за веревку, он ощутил, как под его пальцами словно пульсировало живое существо. Тугая крепкая веревка вдруг стала мягкой, как шелк. Он провел по ней рукой, и она, вновь туго натянувшись, набухла и словно превратилась в высокое крепкое дерево.

– Джавад-бей, не беспокойтесь, мы почти добрались, – раздался голос Беяз. Но в темноте ее не было видно. Видимо, она наблюдала за ним откуда-то со стороны.

«Почти добрались... Интересно, куда же она приведет меня?»

Джавад Амирханлы молчал. Сейчас ему не хотелось задавать ей вопросы. Закрыв глаза, он глубоко задумался. Что же он ищет здесь? Все, что происходит с ним в последнее время, реально или является плодом его воображения? Быть может, в этом мире и вправду существуют такие загадочные существа, как чудовища, демоны и ведьмы, и все это козни этих невидимых глазу существ? Но в чем его вина? Может, природа за что-то мстит ему? Но за что? Может, его подвергли такому наказанию за его сомнительные идеи?

Ведь в последние годы он много думал о перемещении человеческого сознания, о возможности трансплантации, словно человеческих органов, идей и мыслей, и даже провел в этом направлении ряд опытов. Однако глубоко подсознательно он и сам не верил в счастливый конец таких экспериментов.

Ученые уже давно вмешались в важнейший орган человеческого организма – головной мозг, и даже проводили опыты по его пересадке. Но возможно ли перенести сознание и память? ... До настоящего времени это происходило лишь в фантастических романах. Однако впервые об этом заговорил в своих научных статьях именно Джавад Амирханлы.

Многие ученые, работающие вместе с ним в институте, принимали его идею, в лучшем случае, лишь как гипотезу. Однако были и те, кто считал все это бредом, называя его за глаза сумасшедшим.

В своих последних исследованиях Джавад Амирханлы пришел к выводу, что нейроны головного мозга в конкретном пространстве не функционируют в хаотичном порядке; здесь, безусловно, должна присутствовать единая система. Другими словами, нарушение нейронной системы в коре головного мозга может привести к нарушению функционирования мозга, точнее сказать, человеческого сознания.

Помимо научно-теоретической стороны, в последние годы Джавад Амирханлы стал свидетелем того, как в сознании некоторых людей, среди которых было и немало ученых, произошли резкие изменения. Многие принимали их либо за сумасшедших, либо за умственно отсталых, тогда как ученый считал, что только ограниченные и невежественные люди могут называть таких людей больными, в то время как они, никому не причиняя вреда, спокойно живут в своем собственном мире. Просто эти люди изменили свое мышление, словно стрелка компаса, поменявшая направление. Они думают не так, как все остальные. Почему же общество часто отвергает таких людей? По мнению большинства, все должны думать и говорить одинаково. Однако люди, мыслящие стереотипно и шаблонно, вызывали у ученого лишь чувство отвращения.

Он блуждал в темноте своих мыслей, и внезапно в его голове промелькнула светлая полоса, которая наполнила его изнутри ярким светом. И он, казалось бы, нашел ответы на многие вопросы.

Дело в том, что после каждой встречи с Беяз он испытывал определенный шок: когда девушка исчезала, то есть внезапно «улетала», на «взлетной площадке» еще некоторое время будто что-то оставалось; правда, затем это «что-то» исчезало, как и сама девушка. Появлялась она, словно вихрь, так же неожиданно, как и исчезала. И тогда перед ним, словно из мелких песчинок, образовывался небольшой холмик, который затем мгновенно превращался в живое существо из плоти и крови. Выходит, что Беяз могла перемещаться с места на место, распада-

ясь на мелкие песчинки, а затем благодаря какой-то волшебной силе песчинки эти, мгновенно собираясь в единое целое, превращались в живое существо. И в том, что все это происходило на самом деле, не было никаких сомнений.

– Добрались... – вдруг послышался ему голос Беяз.

Чувствуя под ногами твердую поверхность, Джавад Амирханлы невольно открыл глаза. Под ногами расстилалась огромная, словно ковер, светлая поляна. Однако девушки здесь не было.

Мысли его словно материализовались, и перед ним в одно мгновение предстала Беяз. Словно окаменев, Джавад Амирханлы боялся пошевелиться и даже не заметил, как развязалась веревка, так долго стягивавшая его тело.

Глядя на него, девушка мило улыбалась. Однако у него не было сил говорить, и он удивленно смотрел на нее. Кажется, еще немного, и он получит ответ на свой вопрос: как и под воздействием каких сил тело человека, распадаясь на мелкие частицы, может перемещаться в пространстве, а затем вновь принимать свою прежнюю форму? Интересно, известна ли эта тайна самой девушке? Если живой организм может перемещаться в пространстве в виде мельчайших частиц, то почему бы не применить это относительно сознания, то есть копирования человеческой памяти? Почему бы не научиться читать чужие мысли?

Девушка, размахивая в воздухе серебристой веточкой, прошла вперед.

– Идем, – приказала она ему.

Впереди проходил темный туннель. Джавад Амирханлы огляделся вокруг. Ноги точно онемели. Взяв себя в руки, он сделал шаг вперед. Внезапно «веревка», валявшаяся на полу, зашевелилась. Но это была уже не веревка, а огромная страшная змея! Змея шипела и извивалась, затем, распрямившись во всю длину, раскрыла свою пасть, и ее раздвоенный язык заблестел в воздухе, словно острая серебряная стрела.

Джавад Амирханлы еле сдержался, чтобы не закричать. Однако Беяз словно не замечала присутствия змеи или же не придавала этому никакого значения.

Дойдя до туннеля, они остановились. Девушка вдруг резко обернулась и внимательно посмотрела ему в лицо. «Интересно, что она хочет этим сказать?» – подумал он, по-прежнему не говоря ни слова.

Беяз вошла в туннель первой. Он молча шел следом за ней. Туннель был достаточно широкий, со ступеньками внутри. Сверкающие, словно мрамор, ступеньки были сделаны из крупных и мелких кусков льда. Кто знает, может, эти ступеньки когда-то были каменными, но со временем покрылись толстым слоем льда. Джавад Амирханлы шел осторожно, боясь поскользнуться и упасть лицом вниз. Несколько раз, споткнувшись, он едва не потерял равновесие. И тогда невольно протягивал вперед руку и осторожно дотрагивался до руки девушки, такой же гладкой и скользкой, как ступеньки в этом ледяном царстве. Когда он дотрагивался до нее, по телу его словно пробегал электрический ток. Но самым удивительным было то, что ее изящная рука была не холодной, а совершенно теплой.

За все то время, что они шли по туннелю, он так и не смог определить: поднимаются ли они по ступенькам вверх или спускаются вниз.

Наконец ледяные ступеньки привели их в широкий зал.

Беяз с веточкой в руке уверенным шагом прошла вперед и подошла к свисающим со стены ледяным сосулькам, которые оказались настоящей люстрой. В одно мгновение все вокруг озарилось ослепительно белым светом. Первое, что привлекло его внимание – это деревья, которые он узнал сразу же. Одно из них росло на балконе его городской квартиры.

Медленным, внимательным взглядом он обвел все вокруг. Бузлаг был похож на огромный дворец, стены, потолок и пол которого словно были облицованы белым сверкающим мрамором. Только сейчас ученый заметил, что вдоль стен были расставлены ледяные кресла, в кото-

рых неподвижно сидели люди, похожие на ледяные скульптуры. Вполне вероятно, что люди, сидящие в креслах, либо погрузились в сон, либо уже давно были мертвы.

Ему стало страшно. Ком подкатил к горлу.

Девушка вдруг рассмеялась, глядя ему прямо в глаза. «Интересно, – думал он, – зачем она пригласила меня сюда? На самом ли деле здесь живут снежные люди, и есть ли хозяин в этом ледяном царстве?»

Судя по всему, все это было сном. И этот сон в последнее время приносил ему все новые и новые сюрпризы. Но, с другой стороны, все это было похоже и на правду.

– Ты дрожишь? – спросила его девушка.

Сам не понимая, холодно ему или нет, он машинально ответил:

– Нет...

Издаലെка послышался монотонный гул. Казалось, будто где-то распиливали дерево. Девушка, заметив недоумение на лице мужчины, пояснила:

– На улице началась гроза.

«Значит, все, что находится за пределами этого мира, считается у них «улицей»... Интересно, бывает ли здесь гроза или снег? Нет, этого не может быть! Здесь ведь закрытое место. Хорошо, но откуда возник сам Бузлаг? «Началась гроза». «Пусть начинается...»

Нагнувшись, он взглянул на ледяной пол, затем на свои брюки и пиджак. Одежда покрылась инеем, и казалось, будто его закутали в белый саван.

«Если этот сон продлится дольше, я и сам скоро превращусь в одну из сидящих в кресле ледяных скульптур», – подумал он. Вопросительным, полным тревоги взглядом он посмотрел на девушку. Казалось, что она прочитала его мысли. Весело смеясь, словно озорной ребенок, она закружилась на месте.

Джавад Амирханлы удивился: «Что это с ней? Умом, что ли, тронулась?»

Кажется, девушка действительно умела читать мысли. Нахмутив брови, она уверенным шагом прошла вперед, вглубь пещеры. И ему ничего не оставалось, как последовать за ней. Они долго шли по бесконечному длинному коридору. Вокруг было тихо, и только мягкие шаги двух людей нарушали тишину. Беяз шла впереди, он вяло плелся следом за ней. Временами девушка, замедлив шаг, оборачивалась, будто проверяя, не устал ли он. Хотя Джавад Амирханлы и не чувствовал усталости, какое-то непонятное чувство тревоги не давало ему покоя. «Интересно, куда она ведет меня, и есть ли конец у этого „хрустального“ коридора?»

Словно вновь прочитав его мысли, девушка остановилась и протянула ему руку. Господи, рука этой «ледяной статуи» будто пылала огнем... Жар, исходящий от ее руки, словно впитался в его плоть и кровь. Он вновь почувствовал в себе огромную силу, и ему казалось, что вместе с Беяз он сможет шагнуть в вечность.

– Куда мы идем? – спросил он ее.

Девушка, словно не расслышав вопроса, продолжала идти вперед.

– Сейчас узнаешь, – тихо ответила она через некоторое время.

Значит, эта хитрая бестия все-таки слышит его.

Длинный ледяной коридор внезапно закончился, и вскоре перед ними открылся широкий голубой простор. Это было бесконечное подземное озеро.

Девушка, отпустив его руку, прошла вперед. Здесь заканчивался берег и начиналось глубокое голубое озеро, а может, это было вовсе и не озеро, а огромное море. Однако определить объем воды в нем сейчас не представлялось возможным. «Интересно, семья Чапарлы знает, что живет над подземными водами? – подумал Джавад Амирханлы. – Думаю, если узнают, сразу же переедут в другое место. Ведь вполне возможно, что однажды это озеро, выйдя наружу, затопит всю землю с ее лесами, горами и холмами». Размышляя обо всем этом, он медленно плелся позади девушки. Внезапно очнувшись от своих раздумий, он осмотрелся вокруг и увидел на берегу одиноко стоящую лодку. Беяз, оттолкнув лодку от берега, проворно запрыгнула

в нее. Он последовал за ней. Положив серебряную веточку на колени, девушка взялась за весла. Лодка, медленно раскачиваясь, двинулась с места, постепенно увеличивая скорость. Высокие статные деревья, растущие вдоль берега, отражались в зеркальной поверхности воды.

Мужчина и девушка молчали, и слышен был только плеск весел. Постепенно широкое озеро стало сужаться, и они оказались в узком проливе. Пройдя пролив, они затем попали в русло быстротекущей реки. Теперь у них не было никакой необходимости грести веслами. Лодка плыла сама по течению в узкий туннель, который, возможно, открывал путь в большой мир. Гранитные стены его словно были украшены искусной рукой художника; на стенах были выгравированы картины с изображениями времен года. Здесь зима была расписана белыми, осень – золотыми, весна – зелеными, а лето – голубыми красками. Казалось, что все четыре времени года встретились в подземном мире одновременно. Джавад Амирханлы не мог отвести глаз от этой красоты. «Интересно, кто же создал ее? Неужели сама природа своей „кистью“ нарисовала все это великолелие?»

Наконец лодка причалила к берегу. Девушка, оставив весла, сошла с лодки и протянула ему руку. Впереди раскинулась прекрасная зеленая долина.

После долгого утомительного путешествия по воде они наконец ступили на зеленую траву. Все вокруг здесь утопало в яркой густой зелени, озаряемой сверху разноцветным мерцанием. Сквозь густые заросли ивняка и высокой травы медленно текла белая, как молоко, река. Возле реки росло дерево, ветви которого напоминали раскрытый зонтик. Сквозь густую листву просвечивали нежные, изящные цветы, распространявшие кругом дивный аромат. Взявшись за руки, они подошли к этому дереву. Девушка, отложив серебряную веточку, нагнулась и погладила рукой высокую зеленую траву. Опустив свои прекрасные глаза, она про себя что-то шептала. Ему казалось, что она молится, но молится почему-то глядя не в небо, а на землю. Однако он сразу же упрекнул себя за эти мысли, ведь они находились в пещере, и здесь не было никакого неба. Возможно, таинственная трава под ногами находилась не на земле, а на льду.

– Да, ты прав, Джавад-бей...

Джавад Амирханлы растерялся. «Что это? Она и вправду читает мои мысли».

– Ты прав, Джавад-бей, вся эта растительность находится на слое льда...

Беяз провела нежными пальцами по траве, а затем растянулась на ней, словно на мягкой постели.

– Джавад-бей, приляг рядом со мной... – пригласила она его.

Он растерялся, не зная, что ему делать дальше. Девушка схватила его за руку, и по его телу словно пробежал электрический ток...

Они лежали рядом довольно долго, а может, это ему так казалось. Возможно, в этом волшебном мире время шло по-другому? Здесь было трудно определить, какое сейчас время суток.

Мысли его витали где-то далеко. Он пытался найти выход из этого запутанного лабиринта. Каждый раз, встречаясь с Беяз, он сталкивался с целым рядом вопросов.

Он знал, что девушка, попросившись с ним, распадется на мелкие песчинки, но исчезнет не сразу. И на том месте, где она недавно стояла, еще на некоторое время останутся ее «следы». Песок напоминал ему не только о неожиданных исчезновениях девушки, но и о ее внезапных появлениях. Когда она появлялась, происходил обратный процесс, при котором песчинки моментально собирались в кучу песка. Одним словом, исчезновение и появление девушки можно было определить по песчинкам, которые либо рассыпались, либо собирались в кучу. Однако проверить точность и надежность мыслей, приходящих ему на ум в результате наблюдений, в данных условиях было за пределами его возможностей.

«Интересно, о чем думает сейчас Беяз?» – подумал он.

Внезапно веки его отяжелели, и он погрузился в глубокий сон...

...Джавад Амирханлы стоял перед собственным отображением в зеркале, однако мысли его были где-то далеко. Он никак не мог понять, когда и каким образом выбрался из той пещеры. Он уже начинал сомневаться в том, что все это происходило с ним на самом деле. «Это все же был сон или что?.. думал он. – Нет, это не похоже на правду. Может, у меня не все в порядке с головой? Как же я выбрался оттуда?.. Помню зеленую долину. Затем... Затем помню, как мы лежали на траве. Она взяла меня за руку, и по телу моему словно пробежал электрический ток. Потом... Нет, остального не помню. Единственное, что я еще помню, это огромный змей вокруг моего пояса... Если это был сон, то почему же у меня разбиты колени? Нет, все-таки я был в той пещере... Но то, что сейчас я нахожусь у себя дома, в этом нет никаких сомнений. Ведь наглый тип, отражающийся в зеркале, это я». За все то время, что он провел в деревне, у него появился здоровый цвет лица, исчезли боли в сердце. Он чувствовал, как его слабое тело становилось крепче день ото дня.

Дальние родственники и односельчане стали навещать его все реже, а в последние дни и вовсе перестали приходить. Те, кто стремился вначале сблизиться с ним, теперь обходили его дом стороной. Скорее всего, хитрые и практичные деревенские жители, его земляки, наконец поняли, что от него нет никакого толка, и предпочли оставить его в покое.

Во время редких бесед с односельчанами Джавад Амирханлы все же смог для себя кое-что выяснить: оказывается, от председателя муниципалитета почти ничего не зависело. Вся земля в последние годы полностью перешла под контроль районных властей, то есть, они присвоили себе почти всю территорию. Судя по разговорам, в результате дележа, проводимого сверху, большая часть плодородных земель перешла в собственность представителей «уважаемого» в тех краях клана, то есть Хамзе и Джамшиду Чапарлы. Люди боялись их и говорили об этом шепотом.

Хотя Джавад Амирханлы и не был знаком с Джамшидом Чапарлы, однако отца его, Хамзу, знал еще с детства и уже тогда крепко невзлюбил его. Работая в одном из научных учреждений, Хамза Чапарлы предпочитал научной деятельности участие в качестве тамады в праздничных мероприятиях у людей, занимающих высокие посты. Он отличался красноречием и оптимизмом и даже мог спеть и станцевать. За долгие годы он почти не изменился и, казалось, даже молодец день ото дня. Порою, сталкиваясь с ним в городе на похоронах или свадьбах, Джавад Амирханлы старался избегать с ним общения. Испытывая к нему чувство глубокого отвращения, он и сам не мог объяснить причину своей неприязни.

Наконец дальние родственники уговорили его пойти к Хамзе Чапарлы, чтобы посоветоваться с ним по поводу земли. По словам людей, купить или продать здесь землю, лес и даже воду можно было только с разрешения семьи Чапарлы; без их ведома нельзя было ступить и шагу. В этих краях их семья имела непререкаемый авторитет, и никто не смел пойти против них. После долгих размышлений Джавад Амирханлы все же решил встретиться с Хамзой. Конечно же, в душе он не желал этой встречи, однако на сто процентов был уверен, что сможет решить свою проблему только с согласия Хамзы. Утром он вышел из дома и отправился на встречу с ним, по дороге расспрашивая прохожих о том, где принимает посетителей Хамза Чапарлы.

Оказалось, что роскошный офис Хамзы с личным помощником, секретарем и водителем находился прямо напротив его собственных владений. Ждать ему пришлось недолго. Высокая девушка в черной шали, накинутой на голову, скорее всего, секретарша Хамзы, тихим голосом пригласила его войти.

...Джавад Амирханлы, стиснув зубы, протянул руку Хамзе, чтобы поздороваться. Тот встретил его приветливо, но на хитром лице играла фальшивая улыбка.

- Добро пожаловать Джавад. Даже не верится, что ты вернулся на родину.
- Да, видимо, в старости человека тянет на природу, ближе к земле.

Хамза Чапарлы выглядел помолодевшим. Когда-то лицо его было покрыто серо-бурыми пятнами, теперь же от них не осталось и следа. Прежде впалые щеки вновь стали пухлыми, а седые волосы черными и густыми. Однако лицо его по-прежнему было энергичным и хитрым.

– Джавад, возьми стул и садись.

– Спасибо...

– Говоришь, земля зовет тебя, да?

– Наверное...

– Ну и как твои дела, Джавад? Все еще работаешь?

– Работаю.

– Работать – это хорошо. Человек должен работать до последнего вздоха. Я, слава Богу, тоже работаю. Занимаюсь, так сказать, научно-педагогической деятельностью. Здесь же я служу своему народу...

Они разговаривали довольно долго. Хотя Джавада Амирханлы и раздражали бессмысленные расспросы Хамзы, однако он старался держать себя в руках.

– Значит, дела твои идут хорошо, – сказал Хамза медленным голосом. – Наша страна развивается с каждым днем. Препрежнее правительство пустило народное имущество с молотка. Мы же постепенно наводим порядок. Стараемся, чтобы наша родина стала сильной и процветающей. А ты молодец, что вернулся на родину.

Хитрые глаза Хамзы Чапарлы чуть сощурились, мясистые губы приоткрылись, обнажая два ряда зубных протезов, и изо рта пошел резкий гнилостный запах.

– Ну, Джавад, слушаю тебя, – сказал он высокомерным тоном.

Джавад Амирханлы сразу же перешел к делу:

– Мне нужен небольшой участок земли.

– А зачем он тебе нужен?

– Хочу построить себе скромный маленький домик.

– Но у тебя же есть здесь отцовский дом.

– Да, но я хочу построить дом возле Бузлага.

Хамза Чапарлы, словно не расслышав его слов, схватил себя за мочку уха.

– Где? – переспросил он.

– Недалеко от Бузлага.

Хамза с удивлением взглянул на него.

– Зачем тебе Бузлаг? – рассмеялся он, поддергивая плечами: – Может, ты собираешься проводить там свои исследования?

– Пока точно ничего не могу сказать.

Хамза Чапарлы, хлопнув в ладоши, вновь рассмеялся. Затем, приняв серьезный вид, сказал:

– Джавад, ты поступил правильно, что приехал в село. Мы постараемся помочь тебе, сделаем небольшой ремонт в твоём старом доме, и ты сможешь иногда приезжать сюда, чтобы отдохнуть. Зачем тебе Бузлаг? Люди туда и днем боятся ходить. Что ты там забыл? Раньше оттуда привозили лед для больных и рожениц. Теперь в этом нет нужды, во всех домах есть холодильники. Если нужно, я организую для тебя целую машину со льдом.

У Джавада Амирханлы не хватило терпения дослушать собеседника до конца. Протянув руку вперед, он нервно заговорил:

– Знаешь, я ведь не за советами пришел.

Хамза Чапарлы открыл свой большой безобразный рот, толстые, мясистые губы его дрожали. Внезапно зажмурив глаза, он теперь стал похож не на живого человека, а на страшного мумифицированного фараона, сохранившегося до наших дней.

– Хорошо. Но если тебе не нужны мои советы, зачем же ты пришел ко мне? – грубо отрезал он.

– Я просто пришел сообщить тебе о своем намерении.

– У этих земель есть свой хозяин, Джавад, и они непригодны для жилья. Понятно? – теперь Хамза Чапарлы старался говорить спокойным и сдержанным тоном: – Предположим, мы выделим тебе небольшой участок земли, но скажи, как ты собираешься там строиться? Там не только машина, но и повозка не сможет проехать.

– Это мои проблемы. Я сам знаю, что и как мне строить...

– Мне больше нечего тебе сказать.

– А ты там хозяин, что ли?

– Почему ты задаешь мне этот вопрос?

– Мне сказали, что ты занимаешься этими делами.

– Джавад, я такой же ученый, как и ты... Я не занимаюсь куплей-продажей. Я же сказал тебе, что там есть свой хозяин.

– Ну и кто же там хозяин? Разве земля не принадлежит народу?

Хамза Чапарлы, хлопнув в ладони, громко рассмеялся:

– Земля принадлежит народу? Конечно, все принадлежит народу, Джавад. Мы ведь тоже часть этого народа. Вот и иди к народу. Если он согласится, то пожалуйста, можешь взять любой участок земли и строиться.

– Кто согласится?

– Народ. Ведь ты сам говоришь, что земля принадлежит народу.

Немного помолчав, Джавад Амирханлы тихо сказал:

– Я приехал сюда не для того, чтобы проводить референдум или социологический опрос.

Хамза Чапарлы провел ладонью по мясистому лицу.

– Джавад, все это одна сторона дела. Но скажи правду, с какой целью ты хочешь поселиться возле пещеры? – спросил он тихим, доверительным голосом.

Джавад Амирханлы молчал. Что он мог сказать в ответ человеку с таким огромным безобразным ртом?

– Конечно, я знаю, что места эти вызывают особый интерес как с историко-этнографической, так и с археолого-геологической точек зрения. Но, как я знаю, ты не являешься ни историком, ни геологом, и даже ни археологом. Может, в этой пещере спрятаны сокровища? – спросил Хамза, хитро подмигнув ему.

Джавад Амирханлы был не на сто, а даже на тысячу процентов уверен в том, что все, что сказал ему о пещере Хамза, пришло ему на ум только сейчас.

– Послушай, Джавад, – продолжал говорить Хамза монотонным, вкрадчивым голосом. – Может, народ решит объявить эту зону заповедником. В связи с этим мы также должны обратиться в соответствующие структуры, пусть издадут справедливый указ. Мы не должны зариться на народное добро. У нас все делается для народа. И мы – его слуги. Я знаю, ты, как добропорядочный гражданин, согласишься с моими словами. Не так ли?

Джавад Амирханлы, немного поразмыслив, весело ответил:

– Конечно, если поступит такая инициатива, я поддержу ее.

Мясистые губы Хамзы Чапарлы расплылись в широкой улыбке, так что стали видны зубные протезы. Он с удовольствием потер руки, словно добился желаемого.

Джавад Амирханлы не сводил с него взгляда. Хамза Чапарлы нажал на кнопку вызова, и в проеме двери показалась секретарша.

– Принеси нам чай, – приказал он ей и, повернувшись к гостю, продолжил: – Ну, вот видишь, мы с тобой обо всем договорились.

Девушка принесла на круглом медном подносе два стакана чая и поставила их на большой, обтянутой мягкой кожей стол. Джавад Амирханлы мельком взглянул на нее: это была

молодая женщина, лица которой было почти не видно из-под черной шали. На мгновение их взгляды встретились. Еще раз бросив на него взгляд, она прошла в соседнюю комнату, на свое рабочее место. Ее глаза показались ему знакомыми. Но у него не было сейчас возможности напрячь свою память, чтобы вспомнить, кто же является обладателем этих прекрасных глаз.

– Джавад, все будет хорошо, – после недолгой паузы сказал высокомерным тоном Хамза Чапарлы. – Пей чай. Извини, но у меня мало времени. Я должен встретить иностранную делегацию, приехавшую в наш район. Дел по горло. Что делать, мы обязаны трудиться во благо народа. Это наш гражданский долг. Пей чай, Джавад.

Джавад Амирханлы оттолкнул стоящий на столе стакан, и это, конечно же, не ускользнуло от зоркого взгляда Хамзы.

Еще некоторое время они молча глядели друг на друга. Первым поднялся Хамза Чапарлы, тем самым давая понять собеседнику, что у него, дескать, нет времени болтать, так что посетитель может идти на все четыре стороны. Джавад Амирханлы встал и сразу же покинул кабинет.

Немного пройдясь по комнате, Хамза подошел к окну и выглянул на улицу. Затем, о чем-то размышляя, вернулся на свое место, сел в кресло и, взяв трубку телефона, стал кому-то звонить. Телефон не отвечал. Тогда он взял лежащий на столе мобильный телефон и набрал номер.

– Да он просто придурок, – сказал он нервно кому-то по телефону. – Кажется, у него не все в порядке с головой. Если он еще раз скажет что-нибудь лишнее, сразу отправлю его в сумасшедший дом. Я не шучу. Ты на него посмотри, ему хочется вернуться в пещерные времена. Таким, как он, нужно надеть на шею веревку, дать побольше травы, и пусть жуют ее целыми днями. Не обращай на него внимания... Слушай, организуй сауну. На этой неделе я не принимал ни белых, ни красных ванн. А может, организуешь на этот раз коктейльную ванну? Ты же хорошо знаешь правила. Ведь тебе не нужно их объяснять? Тогда купи все, что для этого нужно, и побыстрей. Зайди ко мне, я дам тебе денег. Смотри, чтобы все было на должном уровне.

Хамза Чапарлы встал с кресла и, посвистывая, стал прохаживаться по просторной комнате. Открыв дверь в приемную, он задержал взгляд на девушке; хотел было что-то сказать ей, но тут же передумал, вернулся к себе и уселся в удобное мягкое кресло.

– Всею свое время, – громко сказал он. – Нельзя есть незрелый плод.

Через некоторое время показался Мовлуд. Стоя в проеме двери и скаля зубы, он с униженным видом глядел на своего хозяина. Принимая униженный вид, он тем самым демонстрировал хозяину, что знает свое место. Хамза Чапарлы брал с собой Мовлуда на все мероприятия, будь то похороны или свадьбы, представлял его своим «другом». В свою очередь, Мовлуд везде и всюду превозносил Хамзу до небес и трубил на всю округу, что за всю историю существования этих мест здесь родился один-единственный гений – Хамза Чапарлы. Помогая Мовлуду, Хамза устроил его сына на работу в районный центр, а жену сына, невестку Мовлуда, взял на работу секретаршей в свой офис в деревне; молодая женщина принимала гостей, подавала чай и отвечала на телефонные звонки. Девушка ему очень нравилась. Старик часто ездил по делам в город и каждый раз привозил ей подарки. В последний раз даже привез ей в подарок кольцо. Когда она отказалась принять его, он то ли на самом деле, то ли в шутку вышел из себя:

– Агджа, почему отказываешься от моего подарка? Смотри! Я обижусь...

Девушке ничего не оставалось, как принять подарок. Надевая на ее длинный тонкий палец кольцо с камнем, Хамза Чапарлы, вытянув, словно утка, шею, поцеловал девушку в нежную щечку. Она покраснела и, молча отстранившись, отвернулась.

Хамза Чапарлы часто любил подшутить над Мовлудом и даже дал ему прозвище «дьявол». Однако, заметив недовольство на лице «друга», стал называть его по-другому – «любим-

чик черта». Эта кличка Мовлуду явно нравилась. Когда он услышал её в первый раз, хлопая себя по коленям, громко рассмеялся:

– «Любимчик черта». Bravo... Как хорошо! Клянусь Богом, это имя подходит мне больше всего. Но я никому, кроме тебя, не позволю называть меня этим именем.

Хамза поддержал его:

– Правильно говоришь. Не каждая сволочь имеет право называть тебя именем, которое дал тебе я. А то опорочат такое прекрасное прозвище.

И вот теперь его «друг» Мовлуд стоял перед ним с жалким видом, готовый исполнить любой его приказ.

– Ящик шампанского...

– Будет сделано! – сразу ответил Мовлуд.

– И пуд меда.

– Хорошо.

– Пять литров коровьего молока. Но смотри, чтобы молоко было чистое, без примесей, а то некоторые здесь добавляют в молоко воду, будь внимателен. Смотри, приготовь настоящий коктейль.

Мовлуд, немного осмелев, решил пошутить над своим покровителем.

– Больше вам ничего не нужно, Хамза-муаллим? – подмигнул он ему.

– Что ты имеешь в виду?

– Например, джейраны, олени, утки, гуси... В таком огромном бассейне ты будешь купаться один?

По серому, похожему на мумию лицу Хамзы пробежала игривая ухмылка:

– Тебя это не касается, занимайся своими делами. У меня сегодня будут высокопоставленные гости. Заполни бассейн «коктейлем» и можешь идти по своим делам. Хорошо?

– Будет сделано...

Через несколько минут послышался рев отъезжающей машины. Мовлуд отправился за нужными для «коктейля» ингредиентами.

Сауна, принадлежащая Хамзе Чапарлы, находилась недалеко, прямо за офисом, в котором он иногда принимал гостей. Мовлуд хорошо знал свои обязанности, знал, что должен сразу же покинуть сауну, как только она согреется. Таковы были правила, которым он покорно следовал.

Обычно в дни, когда к Хамзе Чапарлы приезжали гости, посторонние сюда не допускались. Достаточно было взглянуть на дорогие машины, чтобы составить определённое представление об их владельцах. Многие из них приезжали к уважаемому «аксакалу» для того, чтобы посоветоваться с ним, преподнести в дар ценные подарки или присмотреть для себя доходную должность. Мовлуд примерно знал, что это были за подарки, ведь кое-что перепало и ему.

Через некоторое время Мовлуд снова показался в дверях кабинета Хамзы Чапарлы. Он был одним из немногих, кто мог прямо пройти к нему в кабинет, ведь хозяином кабинета был его «друг», а в должности секретаря работала его невестка.

– Готово? – спросил Хамза, исподлобья взглянув на него.

– Готово, – тут же ответил Мовлуд.

– Можешь идти... Больше тебе здесь делать нечего.

Мовлуд хотел что-то сказать, но тут же запнулся и сразу покинул кабинет.

Хамза встал с кресла и с довольным видом стал прохаживаться по комнате. Посещать сауну несколько раз в месяц превратилось для него в привычку. Люди поговаривали, что часто вечерами к нему из города приезжали влиятельные гости, а также женщины-«массажистки».

...Еще немного пройдясь по кабинету, он осторожно открыл дверь в приемную, где сидела секретарша. Девушка дремала. Будто что-то почувствовав, она открыла глаза. Часть ее

лица была чуть приоткрыта, и, чтобы прикрыть ее, она стянула концы шали, крепко затянув узел.

Еще в день свадьбы Хамза Чапарлы был сражен красотой девушки. Агджа, так звали девушку, сидела возле хилого, неказистого жениха, и ее белоснежное лицо и голубые прекрасные глаза словно излучали свет. Таких удивительно красивых женщин в семье Чапарлы называли «луноликими» либо «русалками». Через несколько дней после свадьбы до Хамзы Чапарлы дошли некоторые слухи. Один из знакомых сообщил ему, что в ночь после свадьбы жених не смог выполнить свои супружеские обязанности. То же повторилось и в последующие дни, поэтому Мовлуд, будто что-то подозревая, решил показать невестку и сына врачу. Проведя соответствующие анализы, врач объявил Мовлуду, что девушка является девственницей, и все дело в мужской несостоятельности его сына.

Чванливый и высокомерный, гордившийся своей дружбой с самим Хамзой Чапарлы, Мовлуд теперь не осмеливался показываться людям на глаза. Однако и в дальнейшем эта деликатная проблема не была устранена. Но Мовлуд, чтобы не позориться или же по какой-либо другой причине, не хотел развода сына с женой.

– Ты, кажется, хочешь спать? – спросил Хамза Чапарлы девушку.

– Нет, я не сплю, – потупив голову, тихо ответила она.

Хамза не торопился выходить из приемной. После некоторого молчания он снова спросил ее:

– А тебя в доме мужа никто не обижает? – в его голосе послышались горделивые нотки.

– Нет, – вновь ответила она ему тихим нежным голосом.

– Кажется, и детки у вас пока не намечаются? – на этот раз спросил он игривым тоном, явно стараясь вовлечь девушку в разговор.

– Нет, – застенчиво ответила девушка.

Нагнувшись, он вдруг поцеловал ее в лоб и сказал:

– Сладкая, как мед.

Девушка вздрогнула, чуть отпрянув назад.

– Оставайся здесь, я тебя скоро позову, – сказал он и вышел из комнаты.

Девушка изумленно глядела ему вслед...

На улице было уже темно.

Осторожно осмотревшись, Хамза Чапарлы вошел через заднюю дверь в большой зал. Это был так называемый «зал ожидания», вернее, большая комната, где он обычно любил хорошо поесть, прежде чем войти в сауну. Как правило, вначале для гостей устраивали банкет в столовой Мовлуда, а затем приводили сюда, в сауну. Люди шептали, что нередко ночью туда привозили и женщин. Насколько это было правдой, знал лишь один Мовлуд. Не переставая хвалить своего хозяина, он, с важным видом выпятив грудь вперед, часто восклицал: «Враг Хамзы Чапарлы – мой личный враг!»

В последнее время Мовлуд не только восхвалял своего хозяина, но и старался дискредитировать в глазах односельчан Джавада Амирханлы. «Люди стремятся двигаться вперед, а его тянет назад, в пещерные времена... В нем еще живет пещерный человек. По-другому это не назовешь... Ей-богу, мне даже жаль его. Ведь он не ребенок, чтобы можно было поругать его или дать пару оплеух. Это почтенный седовласый старец. Что ни говори такому человеку, все без толку. Когда я вижу таких людей, мне хочется поставить памятник Хамзе Чапарлы. Бог даст, ему еще при жизни поставят памятник. Разве можно сравнить Джавада Амирханлы с Хамзой Чапарлы? Один – наша гордость и слава, другой же – наш позор». Хитрый Мовлуд знал, что сказанное им наверняка дойдет до ушей Джавада Амирханлы...

Хамза Чапарлы вошел в сауну. Внутри было очень жарко. Мраморная ванна была наполнена до краев желтовато-белой жидкостью. Так называемая «коктейльная» ванна была изготовлена по его собственному рецепту из пяти ведер молока, пуда меда и ящика шампанского.

Понежившись немного в ванне, он позвонил секретарше:

– Агджа, на моем столе лежит шампунь. Принеси мне его. Где я могу быть?.. В сауне. Принесешь прямо в «зал ожидания»... Почему ты стесняешься, не стесняйся!

В сауну было два входа. Один – с улицы, другой – из офиса. Об этом знали только он и Агджа. Девушка уже раза три была в «зале ожидания», но внутрь сауны не заходила. И теперь ей ничего не оставалось, как исполнить просьбу хозяина.

Лежа в мраморной ванне и потирая грудь, он с нетерпением ждал ее прихода.

«Глупая девчонка, каждый раз приходит в „зал ожидания“ и тут же уходит. Кажется, она не понимает, чего я хочу от нее, либо понимает, но прикидывается дурачком. На этот раз ее номер не пройдет. Позову ее прямо сюда. Я же ей не лопух какой-нибудь... Кормлю всю их семью. Подарки принимает, а в объятия мои прийти не хочет. Она, кажется, не понимает, какой я обладаю властью. Если будет нужно, то депортирую и мужа ее, и свекра не только из района, но даже из страны. Ее же снова выдам замуж. Ведь здесь немало холостых парней...»

Он услышал, как открылась боковая дверь. Это секретарша принесла шампунь. Он громко крикнул:

– Агджа, ты где, иди сюда. Не стесняйся.

В проеме двери показалась голова девушки...

Другая сторона пещеры находилась под контролем соседнего государства, и находящиеся там посевные поля, густые леса и цветущие луга оказались совершенно бесхозными. В результате затяжной войны между двумя государствами сотни гектаров плодородной земли оставались невозделанными. Многие годы сюда не ступала нога человека, и весь растительный и животный мир полностью стал диким. Временами дикие животные в поисках пищи нападали на близлежащие села, и люди, имея в наличии мелкий и крупный рогатый скот, всегда были готовы к нападению со стороны хищников и не выпускали из рук оружия... Порою ночью из леса доносился вой волков и шакалов. По словам людей, на бесхозных землях, в особенности на нейтральной территории, находящейся между двумя государствами, было также полно змей.

...В этот день на землю опустилась тьма, и на небе не было ни единой звездочки. Тихая, безмятежная ночь словно укрыла все вокруг своим невидимым черным покрывалом.

Глубокой ночью на горизонте вдруг появились мерцающие огоньки. Казалось, будто огромной птице, широко раскрывшей свои черные крылья, чтобы захватить все вокруг в свой мрачный плен, подождли оперение. Постепенно мерцающие огоньки, разгораясь все ярче, превратились в один горящий костер. Яркий свет от костра поднимался в ночное небо в виде высоких столбов.

Начался пожар.

Зловещее пламя, постепенно растворяя темноту, пожирало все вокруг. Хотя до утра оставалось еще немало времени, на горизонте уже забрезжил рассвет.

Там, куда долгие годы не ступала нога человека, горело все вокруг. Птицы и звери, которые еще недавно мирно спали в своих гнездах и норах, были сильно перепуганы и растеряны. Интересно, откуда возник страшный пожар, уничтожающий все на своем пути?

Должно быть, первыми узнали о приближающейся опасности умные, чувствительные змеи. Еще днем они укрывались от жаркого солнца в своих гнездах, но, почуяв опасность, внезапно зашипели, растревожив тем самым диких животных и птиц.

Многие годы звери, обитающие по другую сторону пещеры, жили там, не зная страха. У каждого из них была своя территория, где они были полновластными хозяевами. Однако звери постоянно чувствовали опасность, исходящую от людей, живущих где-то по соседству. И наверняка этот пожар устроили эти подлые и опасные «двуногие», стоящие где-то в засаде.

...Яростное шипение змей, покинувших гнезда и скопившихся у подножия одного из серых холмов, постепенно усиливалось, превращаясь в громкий гул. Через некоторое время к гулу присоединились ожесточенный рев диких зверей и крики птиц.

Огненная волна приближалась. Рев перепуганных насмерть зверей разносился по всей округе. Оставаться здесь было уже небезопасно. Нужно было где-то укрыться. Но где? Спрятаться здесь было невозможно. Огонь заставлял бежать зверей только вперед. На противоположной же стороне жили «двуногие», то есть люди – злейшие враги «четвероногих». И теперь с одной стороны на зверей наводил страх огненный плен, а с другой – хитрые и опасные «двуногие», а также стая ползучих змей...

Дикие звери, уже не раз нападавшие на близлежащие села, каждый раз несли там значительные потери. Многих животных люди безжалостно истребили, ну, а те, кому удалось спастись, были ранены. У диких зверей – грозных волков и шакалов, гигантских медведей и тигров, наводивших страх на всех остальных животных, – еще не зажили раны, и они с трудом передвигались. «Двуногие» были их самыми ненавистными врагами.

Огонь, смешавшись с клубами дыма, подбирался все ближе. Издающие рев животные спасались бегством, длинной лентой растянувшись по узкой долине. Другого выхода у них не было, и, возможно, там, где-то далеко, они окажутся в полной безопасности. Еще недавно готовые растерзать друг друга, сейчас дикие животные двигались плотной толпой; никто ни на кого не пытался напасть, словно у них совершенно пропал звериный инстинкт. Страшное бедствие сплотило всех животных. И почему они должны были мешать друг другу? Может, кому-то из них была знакома эта опасная дорога, по которой они двигались вперед?..

Змеи, в отличие от диких животных, направились в другую сторону. Они ползли сквозь языки пламени, взбираясь на серые холмы. Пламя еще не добралось сюда, потому что холмы эти были покрыты редкой растительностью. Однако резкий запах дыма уже чувствовался и здесь.

Стая змей направлялась к месту, называемому Бузлагом, который находился в пещере, по другую сторону холмов. В тех местах обитал самый главный змей, гигантский Хачадил, о котором знали старые змеи. В последнее время гигантский змей выползал в полночь из пещеры, чтобы навестить своих родственников на их территории. Его вид наводил ужас на всех диких зверей, и только змеи были довольны его появлением. Ведь как бы там ни было, он был их родственником, пусть даже и не близким, но какая разница, ведь все они происходили от одного общего предка. Когда Хачадил появлялся, змеи словно воодушевлялись, однако животные стали еще больше бояться змей. Даже самые отважные из них старались не показывать ему на глаза и при каждой с ним встрече смотрели на него со страхом и враждебностью. Самые старые из змей при каждом удобном случае также навещали своего огромного родственника в пещере, где он был полновластным хозяином. Змеи верили, что смогут найти убежище у своего могучего родственника, и теперь, пробираясь сквозь огонь, стекались к пещере, где обитал огромный змей Хачадил.

Пожар разгорался все сильнее и сильнее, распространяясь повсюду. Вокруг все было окутано густым едким дымом. Животные, пройдя узкую долину, точно не знали, куда направляются. Лишь змеи двигались по заранее определенному пути. Самки змей, извиваясь всем телом, проползали сквозь языки пламени и, издавая странные звуки, вели своих детенышей за собой. Некоторые детеныши змей, только недавно вылупившиеся из яиц, не успевали ползти за своими матерями, и поэтому многие самки тащили их на себе.

Змеи хотели поскорее добраться до места, взбираясь по серым мшистым скалам. Их яростное шипение нарушало тишину ночи. Наконец-то они оказались далеко от «четвероногих» и «двуногих».

Вскоре звезды в небе спрятались в свои «гнезда».

...Огромный джип Хамзы Чапарлы застрял на полдороге. Водитель, как ни старался, не мог завести машину. Ревел мотор и гудел глушитель, задние колеса крутились, из выхлопной трубы вылетали клубы дыма, но машина так и не двигалась.

До Бузлага было еще далеко.

Выйдя из машины, Хамза Чапарлы огляделся по сторонам. В этих местах он бывал очень давно, еще в детстве. Прожив в городе большую часть жизни, он наверняка бы и остался там, если б не перемены, происходящие в мире в последние годы. Затронув все сферы жизни общества, перемены не обошли стороной и села, в результате чего, с одной стороны, наблюдался массовый отток сельских жителей в города, а с другой – в села и деревни стали приезжать богачи, за бесценнок скупая у бедняков их дома и земли.

Хотя в последние годы в селе Чапарлы уменьшилось число местных жителей, зато значительно увеличилось строительство дорогих особняков и вилл. Владельцы этих огромных дворцов приезжали сюда редко, в основном, летом. Тем не менее, в особняках круглый год находился целый штат охраны, а большинство из оставшихся в деревне мужчин и женщин зарабатывали себе на хлеб тем, что работали в этих роскошных домах прислужкой.

В отличие от городских толстосумов, Хамза Чапарлы был родом из здешних мест и за последние годы нажил себе немалое состояние. По слухам, Хамза и Джамшид Чапарлы находились в хороших отношениях со многими высокопоставленными чиновниками страны и поэтому могли запросто назначить кого-нибудь на должность либо отстранить от нее.

Однако Хамзе Чапарлы в последнее время не давал покоя один вопрос: почему Джавад Амирханлы так настаивает на том, чтобы построить «небольшой домик» возле Бузлага? Сначала он было подумал, что у него не все в порядке с головой, но слухи, в последнее время доходившие до него, словно открыли ему глаза. В районном центре, а также в деревне поговаривали, что Джавад Амирханлы на самом деле напал на след несметных сокровищ.

Бог знает, может, люди говорят правду, и там зарыты золото и драгоценные камни. Иначе что мог потерять там Джавад Амирханлы, ведь он был не в том возрасте, чтобы скитаться по горам, словно Меджнун? В конце концов, Джавад Амирханлы был одним из самых известных ученых в стране, хотя Хамза еще с юных лет недолюбливал его и считал высокомерным и чванливым. Но дело было не только в этом. Главная причина состояла в том, что Хамза Чапарлы никак не мог смириться с тем, что деревня, где он родился, славится еще одним именитым ученым. Теперь ему представилась возможность заработать себе очки, и он стал распространять среди приближенных ему людей слухи, что у Джавада Амирханлы не все в порядке с головой. Те, в свою очередь, распространяли эти сплетни среди местного населения.

...Машина, застряв в яме, не трогалась с места, колеса крутились, разбрасывая вокруг гравий. Казалось, машина была так же разгневана, как и ее владелец.

– Почему машина не трогается с места? Что с тобой происходит? – кричал Хамза на своего водителя.

Шофер устало вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

– Двигатель не тянет.

– Машина в порядке, ты сам ни на что не способен. Вылезай...

Открыв дверь машины, шофер прыгнул на землю. Хамза Чапарлы проворно забрался в кабину, взялся за руль и сердито нажал на газ. Машина, взревев, наконец-то тронулась с места. Водитель бросился бежать вслед за отъезжавшим автомобилем...

Машина остановилась напротив Бузлага. Хамза Чапарлы выскочил из машины и, не глядя на растерявшегося шофера, сердито сказал:

– Подойди сюда. Подложи под колесо камень.

Подложив под заднее колесо большой камень, шофер отошел в сторону.

– А теперь поднимись вон на ту скалу, – приказал ему Хамза.

Водитель молча исполнил приказ хозяина.

– Что ты там видишь? – громко крикнул шоферу Хамза Чапарлы.
– Вижу пещеру, – крикнул в ответ водитель.
– Что-нибудь видишь внутри?
Нагнувшись, водитель робко заглянул внутрь пещеры.
– Внутри темно. Ничего не видно. Но я слышу какой-то шорох. Будто бы дует ветерок, либо...

– Либо что?
После некоторого молчания шофер добавил:
– Похоже на змею...
– Не говори глупости, змея не шуршит, а свистит.
– В детстве я много раз бывал тут. Здесь была обыкновенная змеиная пещера. В те времена...

Хамза Чапарлы оглядел все вокруг.
– Хорошо, скажи, сколько нужно бетона, чтобы заделать отверстие в пещере?
Немного прикинув, шофер нерешительно ответил:
– Самое меньшее десять машин... И, кроме этого, одна машина с арматурой.
– А грузовые машины смогут подняться сюда?
– Дорогу нужно немного привести в порядок, – ответил шофер.
– Тогда завтра с Мовлудом поезжай в воинскую часть и попроси командира прислать нам в помощь технику и живую силу.

– Будет сделано!

Хамза Чапарлы сел за руль автомобиля.

– Брось в сторону камень из-под колеса, – приказал он водителю.

Шум мотора разнёсся эхом по близлежащим окрестностям.

Разговор с Хамзой Джаваду Амирханлы не понравился. То, что здесь хотят создать заповедник, совершенно не укладывалось у него в голове.

После их последней встречи среди людей распространился слух, что в пещере спрятаны несметные сокровища, и вход в пещеру охраняется. Для Джавада Амирханлы это означало, что на его мечте поселиться там был поставлен жирный крест.

«Нет, это дело так просто оставлять нельзя», – подумал он и вновь решил отправиться в районный центр.

В ту ночь он почти не спал до утра и ранним утром, накинув на плечи пиджак, отправился в путь.

По дороге, махнув рукой, он остановил первую же встречную машину, за рулем которой сидел молодой румяный водитель.

– Можете довезти меня до районного центра? – спросил он шофера.

– Конечно, я как раз туда направляюсь.

Со словами «О, Всевышний» он сел в машину, и всю дорогу, пока ехал, перед его глазами стоял живописный Бузлаг.

Голос шофера неожиданно оторвал его от радужных грез.

– Аксакал, мы доехали.

Приоткрыв дверцу кабины и высунув голову наружу, Джавад Амирханлы огляделся. Место это ему уже было знакомо. Перед ним предстало уже известное ему желтое здание.

– По-моему, вам нужно сюда, не так ли? – спросил водитель.

Запинаясь, Джавад Амирханлы нерешительно ответил вопросом на вопрос:

– А разве руководители района находятся в этом здании?

– Да, в этом желтом здании. Но, я думаю, они вас сегодня не примут.

– Почему?

– Чтобы попасть сюда на прием, нужно записаться предварительно...

– Я это знаю...

– Во-вторых, говорят, что сегодня в местечке, называемом Бузлагом, проходит какое-то мероприятие.

– Что за мероприятие? – вскрикнул вдруг Джавад Амирханлы.

– Точно не знаю. Но я слышал, что и здесь будут проводить какое-то мероприятие... что-то, связанное с лошадьми...

– Какие лошади? Что за лошади?

Парень пожал плечами:

– Не знаю подробностей, но я слышал, что здесь будет проходить праздник, посвященный лошади.

Недоуменно покачав головой, Джавад Амирханлы расплатился с водителем.

«Что же они забыли в Бузлаге? – думал он. – Да, в тот день Хамза рассказал о своем желании создать там заповедник. Но все же вокруг знают, что он аферист. И только Аллах ведаёт, зачем он сует туда свой нос».

Тяжело ступая, Джавад Амирханлы вошел внутрь здания. Возле двери дремал усталый полицейский.

...Люди, дожидаясь своей очереди, сидели в приемной, прислонившись друг к другу, словно мешки с песком, и казалось, будто их крепко-накрепко привязали друг к другу прочной веревкой.

Старый знакомый Джавада, сгорбленный пожилой мужчина в очках и с тростью в руке стоял посередине очереди, и люди, стоящие рядом с ним, были вынуждены выслушивать его.

– Я стою здесь в очереди с начала прошлого века, – говорил старик. – Пока я сюда приходил, три раза разваливалась система, шесть раз сменялась власть и девять раз совершались государственные перевороты. Но я так и не дождался приема. Кому мне жаловаться? Может, в этом мире есть тайна, о которой знаю только я? И кому я должен раскрыть ее? Вот смотрю, все здесь молчат, опустив головы, как бараны. Руководство также молчит. Значит, и они бараны. Молчит история. Получается, что и она подобна овце. Эх, немые люди, эх, немая история...

Как только старик закончил свой монолог, к Джаваду Амирханлы вновь тихо подошла бывшая однокурсница Алия. Смерив его долгим пронзительным взглядом, она медленно сказала:

– Послушай, ты...

На этот раз Джавад Амирханлы опередил ее:

– Да, это я, Алия, Джавад...

– Да, мы с тобой учились вместе.

– Это так. Хорошо, ты дождалась своей очереди?

– Нет... Откуда?.. Еще ожидаю.

– А может, нужно обратиться в более высокие инстанции?

– Самая высшая инстанция находится здесь. Куда я только не обращалась, куда не писала, письма вновь возвращаются на этот адрес. Такое ощущение, будто все здесь притягивается магнитом. Возможно, сегодня сюда придут наши руководители, Хамза и Джемшид Чапарлы. Ведь всем здесь управляют они...

– Кто?

– Отец и сын Чапарлы. Сегодня у них праздник.

– И что это за праздник?

– В этот день отец Хамзы Чапарлы, Хуррям, впервые сел на лошадь и отправился на охоту. Говорят, что перед входом в здание вместо статуи буйвола теперь водрузят скульптуру лошади.

– Интересно, а тот пучок травы оставят на месте?

– Они заменяют старую траву на свежескошенную каждый день, – быстро ответила женщина. – К тому же траву едят и буйволы, и лошади... Эх, Джавад, будет ли там лежать трава или нет, что изменится в этом мире?

Внезапно раздался шум.

Дремавший было полицейский проворно вскочил на постамент буйвола и подобно поэтам, читающим свои стихи, стал жестикулировать руками и громко кричать:

– Люди, сегодня в Бузлаге проходит грандиозное мероприятие, и все руководители района находятся там, поэтому отец и сын Чапарлы не смогут вас сегодня принять. Но сегодня у нас еще и двойной праздник. Во-первых, в этот день отец Хамзы Чапарлы, Хурррям, впервые сел на лошадь и отправился на охоту. Во-вторых, в пещере, то есть в Бузлаге, проходит... хм.. Да, еще, сегодня вместо статуи буйвола здесь установят скульптуру лошади. Это исторический день, историческое событие. И мы будем помнить его всю свою сознательную жизнь.

Закончив свою пламенную речь, полицейский проворно спрыгнул на землю.

После некоторого молчания послышались редкие хлопки, затем число хлопающих постепенно стало увеличиваться, и вскоре от грома аплодисментов дрожали стены.

«Интересно, каким образом они доставят сюда лошадь?» – подумал Джавад Амирханлы.

– Говорят, в Бузлаге нашли клад. Ты слышал что-нибудь об этом, Джавад? – спросила его вдруг Алия.

Джавад Амирханлы молчал.

– Или ты не слышал о Бузлаге? Моя покойная свекровь говорила, что Бузлаг – это врата в рай, там даже в самые жаркие дни всегда есть лед. Клянусь Аллахом, эти Чапарлы превратят этот рай в ад. Куда ни ступает их нога, везде остаются одни колючки.

Слова старухи словно отрезвили его. Куда и для чего он пришел? Разве здесь найдется тот, кто выслушает и поможет ему?

Внимательно поглядев на него, Алия внезапно сменила тему разговора:

– Я знаю, что привело тебя сюда, в родные места.

– И что?

– Знаю, но не хочу говорить. Придет время, скажу.

– Странный ты человек, ей-Богу.

Она кокетливо рассмеялась:

– Ты так думаешь. Пусть будет так. Я знаю, что говорю. И еще я знаю твой характер, ведь мы учились вместе в течение нескольких лет.

– Хм. Столько лет прошло с тех пор.

– Время меняет только лица людей, но не их натуру...

«Она точно тронулась умом, – подумал Джавад. – Интересно, на что она намекает?»

Быстро попрощавшись с женщиной, он поспешил выйти. Ему вдруг стало тоскливо и грустно, и он решил возвратиться в деревню. По дороге он долго не мог поймать попутку. И только во второй половине дня перед ним, наконец, остановилась машина. Джавад Амирханлы сразу же узнал сидящего за рулем молодого человека, который утром привез его в районный центр.

– Аксакал, садитесь. Ну, как? Вы нашли того, кого искали?

Запинаясь, Джавад Амирханлы спросил:

– Кого?

Парень рассмеялся:

– Ну, того, кого искали...

Джавад Амиханлы ничего не ответил. Шофер удивленно покачал головой, и всю дорогу они ехали молча. Когда они доехали до деревни, во многих дворах громко залаяли собаки.

У дома его встретил Афраил и, даже не поздоровавшись, быстро выпалил:

– Слышал новость?

- Что за новость? – спросил с удивлением Джавад Амирханлы. – Что ни день, то новость.
- Пещеру разрушают.
- Какую пещеру?

– Как какую пещеру? Я говорю о Бузлаге, возле которого ты хотел построить дом. Разрушают наш Бузлаг, имеющий почти тысячелетнюю историю... Пока они закрыли лишь вход в пещеру, но затем собираются полностью ее разрушить.

Джавада Амирханлы словно ударила молния. С тревогой взглянув на Афраила, он слабым голосом спросил:

- Откуда ты знаешь?

– Как откуда? Все об этом знают. Туда пригнали почти всю тяжелую технику: бульдозеры, тракторы, землеройные машины. Наверное, вчера ты крепко спал и поэтому ничего не слышал. Говорят, в Бузлаг также прислали в качестве рабочей силы роту солдат из воинской части.

Не сдержавшись, Джавад Амирханлы нервно спросил:

- А это для чего?

Афраил хитро рассмеялся:

– Они говорят, что места эти они хотят сохранить для будущих поколений. Но это самая настоящая ложь...

У Джавада Амирханлы потемнело в глазах.

- Что же там ищут эти подлецы?

– Наверное, клад. Ты удивительный человек, Джавад. Что они там могут искать? Совесть и честь? Но они даже не имеют представления о таких понятиях... Они просто уничтожат все...

У Джавада Амирханлы начала гудеть голова. Внутри будто что-то оборвалось. Он сердито огляделся по сторонам, от злости кусая губы. Сейчас он напоминал разъяренного зверя, собирающегося растерзать первого встречного. Афраил пожалел о том, что принес плохую весть, и теперь всеми силами старался успокоить Джавада.

– Теперь наступило время таких, как они. Возьми себя в руки, Джавад. Что мы сможем сделать? Они хотят властвовать даже над Богом. Будь терпеливым, Джавад. Знаю, что ты хотел поселиться там. Но теперь Бузлаг в их руках. Не знаю, может, так будет лучше. На все воля Аллаха. Постройшь для себя жилье в более подходящем месте и будешь там жить, как тебе хочется.

Джавад Амирханлы молчал. Афраил сменил тему разговора:

- Ты ознакомился с моим сочинением?

Немного призадумавшись, Джавад Амирханлы медленно ответил:

- Нет, но сегодня обязательно прочту.

...После ухода Афраила, взяв в руки старую, пожелтевшую от времени тетрадь, он перелистал ее, а затем принялся читать громко вслух:

Пещера

Говорят, высоко, на склоне горы
Есть мрачная, уединенная пещера.
И с давних пор
Люди боятся туда войти.
Но кто ты? Живая пещера.
Душа твоя мрачна, человек.
Попробуй освободиться от этого мрака.
Возможно, ты любишь этот мир,
Но он подобен страшному колодцу.

И ты в нем одинок,
Мир – это большая игра.
И ты не сможешь убежать от себя.
А если даже и сможешь,
Все равно вернешься назад.
Каждое мгновение тебя будет преследовать тьма,
И в конце концов она поглотит тебя.
Тьма, находящаяся внутри тебя,
Выглядывает из глаз твоих.
Так на кого же ты надеешься, о, человек?!
Огонь в твоём сердце теперь погас,
И в жизни твоей остались тоска и печаль.
Ты сам себя победил, человек,
И на твоём лице лежит тень.
В волшебную пещеру внутри тебя
Тянет страшный дракон.
Ты тоже примкнешь, как бродяга,
К мрачному, зловещему каравану истории.
Бежать от себя, – это бежать в никуда,
Так что не торопись уходить из этого мира,
Может, ты пока лишьходишь в него.

После долгих размышлений Джавад Амирханлы, по совету Афрайла, решил вновь с утра пойти к Хамзе Чапарлы.

– Джавад, иди снова к этому дьяволу, – говорил ему Афрайл. – Может, на этот раз возле него окажутся ангелы. Ему дали полную власть над всем нашим районом. Если хочешь чего-то добиться, нужно быть порасторопнее, мой друг. И не считай это для себя позором. Сейчас настало время ублюдков. Афрайл говорит истину. Однако и Афрайлу затыкают рот, как Бузлагу... Ты иди, я, может, приду следом. Иди к этому дьяволу прямо сейчас.

«Хорошо, я пойду к нему в последний раз. И если на этот раз я не получу положительного ответа... Что же тогда? Тогда убью его? Во всяком случае, хотя бы попытаюсь в последний раз...»

Однако на самом деле он хотел пойти к Хамзе не только для того, чтобы поговорить о деле, но и для того, чтобы увидеть Беяз. Кто же она такая, в конце концов?

– Теперь настали другие времена, Джавад, – продолжал говорить Афрайл. – Твое бытие определяется не временем, в котором ты живёшь, оно определяется временем, которое живёт в тебе. Если ты взглянешь на мир не со стороны, а как бы изнутри, то поймешь, что живешь в ином времени. Чтобы понять это время, ты должен сначала понять самого себя. Я всегда говорю людям: «Не будьте примитивными, будьте простыми». И надеюсь, что когда-нибудь люди, особенно те, кто занимает высокие посты, станут не сложными, а твердыми. Усложненность – это поверхностность. У дураков и невежд можно многому научиться, хотя бы тому, чтобы быть непохожими на них. Говорят, что сейчас в мире властвуют деньги, и в этом есть доля правды. Я знаю немало людей, которые постоянно гонятся за деньгами. Что можно им сказать? Будете рабами денег, и они будут властвовать над вами. Будете хозяевами денег, и они навредят вам, как раб, всегда готовый навредить своему хозяину. Не будьте ни друзьями, ни врагами денег, станьте их знакомыми, ведь сейчас многих знакомых мы называем своими друзьями... Джавад, человек должен бороться и отстаивать свои права до конца.

...На этот раз, чтобы разрешить свои сомнения, он вновь отправился на прием к Хамзе Чапарлы. И снова его там встретила та самая девушка. Мельком взглянув на него, она молча прошла в кабинет хозяина. Ее не было довольно долго. Наконец она вернулась и села за свой стол.

– Пожалуйста, проходите, – сквозь зубы процедила она.

На этот раз Хамза Чапарлы встретил его холодно. Указав ему рукой на стул, он, перебирая бумаги на столе, прямо перешел к делу:

– Я вас слушаю.

– Я вновь пришел по этому вопросу.

– По какому вопросу?

– Насчет земли.

– Хм-м... Ну и где ты желаешь приобрести землю, Джавад?

– Ты же об этом знаешь, Хамза.

– Для чего тебе это нужно? Ведь у тебя есть перед домом участок земли.

– Мне нужна земля возле Бузлага.

– Эта земля принадлежит государству, и никто не имеет права продавать ее.

– Насколько я знаю, ты можешь дать мне такое разрешение.

Последняя фраза Хамзе, видимо, не понравилась. Он встал с кресла и начал нервно ходить по комнате. Затем остановился и, внимательно глядя в лицо Джавада Амирханлы, резко спросил:

– Кто тебе это сказал?

– Все говорят.

– Все? И кто это «все», например?

В комнате воцарилась тишина.

Внезапно Хамза Чапарлы рассмеялся, отвислые губы его задрожали.

– Это все фантазии Афрайла. Я прав?

В этот момент в кабинет вошел Афрайл и встал напротив Хамзы Чапарлы.

Хамза Чапарлы: Ты кто такой, чтобы входить в мой кабинет без разрешения?

Афрайл: Что мне твое разрешение?

Разве утро наступает с чьего-либо разрешения?

Или земле требуется разрешение, чтобы пробудиться?

Что мне твое разрешение?

Мне все разрешено.

Хамза Чапарлы: Что тебе нужно?

Афрайл: Хочу жить, если хочешь знать.

Хамза Чапарлы: Ну и живи. Кто тебе мешает?

Афрайл: Ты и твой сынок.

Все вокруг присвоили себе: леса и поля, реки и луга.

Не даете народу свободно вздохнуть,

Стоите всем поперек горла.

Народу уже ничего не принадлежит,

Кроме небольшого клочка земли.

Кто, спрашиваешь, нам мешает? Такие, как ты.

Разгневанный Хамза, сев за свой стол, тут же нажал кнопку вызова. В дверях показалась секретарша.

Хамза Чапарлы: Агджа, ты зачемпустила этого человека?

Девушка не отвечала, виновато опустив голову. Джавад Амирханлы не сводил с нее глаз.

Джавад Амирханлы (про себя): «Да это же Беяз. Мои предположения меня не обманули».

Внезапно взгляды их (Джавада Амирханлы и Агджи) встретились. Девушка пыталась уклониться от его назойливого взгляда, и, опустив глаза, смущенно стала теревить своими нежными белыми пальцами концы черной шали.

Хамза Чапарлы: Хорошо, можешь идти.

Афраил: Она ни в чем не виновата. Я вошел сюда без разрешения, – заступился за нее Афраил.

Девушка молча покинула комнату.

Джавад Амирханлы: А что криминального в том, что он вошел сюда без разрешения? Что это за дурацкие разговоры?

Хамза Чапарлы: Сам дурак, понял? Ты, кажется, забыл, где находишься. Вы оба можете быть свободны. Больше не приходите сюда с подобными просьбами.

Афраил: Я пришел сюда не просить,

Я пришел сюда требовать.

Хамза Чапарлы: Я вам все сказал. Вы не получите ни клочка земли, так что можете быть свободны!

Афраил: Джавад, давай уйдем отсюда,

До него невозможно достучаться.

У меня язык не поворачивается назвать его человеком,

Он кровопийца, злейший враг народа.

Все здесь покупается и продается,

Продается честь и совесть,

Продаются города и села,

Интересно, что же тогда останется нам?

Хамза Чапарлы: Заткнись, негодяй. Поверь, я уничтожу тебя и весь твой род.

Афраил: Я тебе верю, Хамза,

И именно поэтому называю тебя «кровопийцей».

Ты можешь совершить любую подлость,

Об этом я хорошо знаю.

Хамза Чапарлы: Если ты об этом знаешь, то советую попридержать свой язык.

Хамза Чапарлы, что-то насвистывая, с довольным видом расхаживал по комнате, словно не замечая находящихся в кабинете Афраила и Джавада Амирханлы.

Смерив его презрительными взглядами, они тут же покинули кабинет. Затем вместе спустились к реке.

Джавад Амирханлы: Я это дело так не оставлю.

Афраил: Какое дело?

Джавад Амирханлы: Сегодня утром я хотел посетить Бузлаг, так вооруженные люди меня туда даже близко не подпустили. Сказали, что теперь там что-то вроде заповедника-музея.

Афраил: Недавно я услышал одну новость,

Которую хочу сообщить тебе.

Говорят, что Хамза в той пещере

Ищет клад.

Джавад Амирханлы: Хорошо. Но хочу спросить тебя еще кое-о-чем. Знаешь ли ты, кто та девушка, работающая у Хамзы?

Афраил: Почему не знаю, знаю,

Имя этой прекрасной гурии – Агджа.

Она невестка Мовлуда,

Но другой пробует ее на вкус.

Джавад Амирханлы: Я ничего не понял, говори яснее.

Афраил: Она жена сына Мовлуда,

Но люди говорят, что ее содержит сам Хамза.

Джавад Амирханлы: Как это «содержит Хамза»?

Афраил: Она любовница Хамзы.

Все вокруг об этом говорят.

Хамза Чапарлы – безнравственный, испорченный человек,
Наглый, лицемерный и лживый.

От него можно ожидать, чего угодно.

Стало постепенно темнеть, и Афраил заторопился домой.

Джавад Амирханлы: Афраил, ты хочешь уйти?

Афраил: Да, уже поздно, нужно идти,

Интересно, что же нас ждет впереди?

Джавад Амирханлы: Хорошо, тогда ты иди, а я еще немного прогуляюсь.

Он отправился вверх вдоль берега реки. «Однако к пещере сейчас подойти невозможно, она охраняется вооруженными людьми», – подумал он.

Все это время его мучил один и тот же вопрос: «Откуда взялась эта девушка, секретарша Хамзы Чапарлы? В том, что это Беяз, не может быть никакого сомнения. Правда, я толком не видел ее лица, однако узнал по глазам. Может, память мне изменяет? Нет, не может быть. Это все-таки она, Беяз. Но как такое может быть? Может, Беяз и Агджа – сестры-близнецы? А может, меня преследует призрак? Может быть даже, что Беяз вообще не существует на этом свете? Может...»

Вдруг послышались чьи-то шаги.

Джавад Амирханлы: Алия, это ты? Почему так поздно гуляешь одна?

Алия: Я пришла увидеть тебя, Джавад.

Джавад Амирханлы: Ей-богу, ты странная женщина.

Алия: Почему странная? Я знаю, зачем ты приехал сюда.

«Кажется, она и вправду не в себе. Что она делает здесь в такой поздний час? А я? Что потерял здесь я? Может, я тоже сошел с ума?»

Алия: Ты знаешь, кто такой Хамза Чапарлы? Наверняка ты о нем слышал. Может, даже и знаком с ним?..

Джавад Амирханлы: Ну... И что?

Алия: Знаю, что ты приехал сюда, чтобы приобрести возле Бузлага землю. Но не надейся, он тебе не даст ни клочка земли. Не ходи к нему, Джавад. Он издевается над тобой, надо мной, над всем районом. Знаешь, что он вытворяет?..

То ли от желания узнать о том, что может выкинуть Хамза, то ли не желая знать об этом, Джавад Амирханлы посмотрел на женщину вопросительным взглядом.

Алия: Это невероятно. Но я знаю, что у Хамзы есть два больших бассейна. В одном он держит крокодила, в другом – дельфина. И знаешь, чем кормят крокодила? Его кормят человеческим мясом.

Джавад Амирханлы удивленно посмотрел на женщину. Глаза ее выражали тоску и печаль. Казалось, что она стоит на краю бассейна, в котором находится тот самый крокодил.

Алия: Не веришь? Но я знаю, что Хамза договорился с больницей и моргом, и они отдают ему все неопознанные трупы. В деревне у него есть свой человек, зовут его Мовлуд. Это он бросает мертвецов на съедение крокодилу.

Джавад Амирханлы все еще молчал, а женщина продолжала.

Алия: Опять не веришь, Джавад? Раньше я тоже этому не верила. Однако историю, которую в прошлом году рассказал мне сосед, заставила меня в это поверить. Однажды к соседу из соседнего района приехал гость. Кажется, они где-то служили вместе. Через несколько дней он отправился домой, но так туда и не добрался. Заварилась такая каша. Но затем стало известно, что по дороге его сбила машина. Так как у него не было с собой документов, его

отвезли в морг и продержали там несколько дней. Затем труп отвезли прямо на съедение крокодилу, а родственникам за молчание заплатили деньги. Крокодила часто угощают подобным образом.

Джавад Амирханлы: Алия, в каком веке мы живем?

Алия: Хамза Чапарлы разрушил и мою жизнь, Джавад.

Джавад Амирханлы: Хамза? Где Хамза, а где ты!

Алия: Моего жениха тоже уничтожил Хамза.

Джавад Амирханлы: А разве его не убило током?

Алия: Моего жениха? Его убили по приказу Хамзы. Он хотел заполучить меня.

Джавад Амирханлы: А что было потом?

Алия: Сейчас он хочет завладеть Агджой. Знаешь, кто такая Агджа? Она лунатик. И об этом знаю только я. Ты ведь знаешь, кто такие лунатики, Джавад? Конечно же, знаешь. Когда ее муж засыпает, она отправляется на прогулку в сторону Бузлага, легко взбирается на вершины гор, проходит глубокие овраги и пропасти... Она не спит по ночам и парит во сне. Джавад, вот ты человек умный, большой ученый. Если я кое-что скажу тебе, ты меня не осудишь?

Джавад Амирханлы: Нет, почему? Если хочешь, можешь рассказать.

Алия: Я тебя тогда сильно любила, Джавад.

Джавад удивленно поглядел на женщину. Ее глаза загадочно блестели.

Алия: И люблю тебя до сих пор. Хотя я уже и стара, но душа у меня молодая. Я ведь до сих пор девственница. За всю мою жизнь ни один мужчина так и не прикоснулся ко мне, потому что я ждала только тебя, Джавад. Однажды я прогнала Хамзу из дома, как собаку, поэтому он мстит мне. Бог знает, сколько я пережила за эти годы. Это он, Хамза, оставил меня без работы. Он знает, что я презираю его и всю жизнь любила только тебя. Наверное, именно поэтому ненавидит тебя и до сих пор живет мыслью о мести.

«Что она несет? Кажется, я схожу с ума», – подумал Джавад Амирханлы..

Алия: Я ухожу, Джавад. Я знала, что после встречи с Хамзой ты придешь именно сюда. Не спрашивай, откуда я это знаю. Я пришла, чтобы увидеть тебя и рассказать о тайне, которую носила в себе многие годы. Теперь мое сердце спокойно. Можешь думать обо мне все, что хочешь.

Алия вдруг исчезла, будто растворившись в темноте.

Джавад Амирханлы был растерян, все еще не понимая, в своем ли она уме.

Услышав запоздалое признание женщины, Джавад Амирханлы почувствовал невероятную тяжесть в груди. Если бы ее слова услышала Атига, то холодная война между ними разгорелась бы с новой силой.

«Атига... – вспомнил он вдруг о жене. – Интересно, как она там? Уже столько времени я не могу связаться с ней. Должно быть, в душе она ругает меня, но никогда не сделает этого вслух. Она может долго помнить обиду, но никогда не покажет этого своему обидчику и, словно змея, будет ждать подходящего момента, чтобы ужалить. Это ее тактика. Может, почти все женщины применяют ее на практике... С другой стороны, Алия... Оказывается, она всегда любила меня и до сих пор является девственницей. Кажется, здесь у всех проблемы с головой. Может, я тоже сошел с ума? Откуда появились эта проклятая пещера, этот Бузлаг и Беяз? Беяз... Алия утверждает, что она лунатик. Ну и что здесь такого? А как же тот таинственный мир, в котором я побывал вместе с ней? Я же не лунатик. Может, и я...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.